

ЛАЙЗА ФОКС

ІСНОВИДЯЩАЯ
ДЛЯ
МИЛЛІОНЕРА

18+

Лайза Фокс

Ясновидящая для миллионера

«Автор»

2023

Лайза Фокс

Ясновидящая для миллионера / Лайза Фокс — «Автор», 2023

Уникальный дар прорицательницы привёл Ульяну на бизнес Олимп. Она консультирует многомиллионные контракты и проверяет контрагентов на благонадёжность. Срок оказания услуг – 1 год. В контракте только деловые отношения. Любой намёк на чувства расторгает договор автоматически. С работодателем Ульяну всегда связывают только служебные вопросы. Она диктует правила и устанавливает рамки. Но удастся ли загнать в них нового босса Владислава Барсова? Тем более, что в его силах разрушить её талант, чувства и финансовое благополучие. Обложка создана при помощи нейросети Midjourney v.5.

© Лайза Фокс, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Сон	5
Живой товар	6
Оффер	10
Первый рабочий день	15
Три желания	20
Три ответа	25
Спасение из Вечной мерзлоты	29
Утреннее пробуждение на работе	33
Командировка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лайза Фокс

Ясновидящая для миллионера

Сон

Мои сны всегда были только про работу. Вернее, они были про жизнь, в которой только работа и была. Я не знала их значения, но постепенно начала понимать некоторые ночные символы.

В свои 27 я точно уяснила, что вода снится к разговорам. И чем больше её лилось, тем больше времени предстояло провести в беседах. А их я не любила. Предпочитала трудиться в одиночестве маленького, но отдельного кабинета.

Если утром я помнила о сложном спуске или подъёме, то знала, что трудовой день подбросит какие-то неожиданные препятствия. Я не была им рада, но не унывала, справлялась по мере поступления со всеми перипетиями.

Мои сны были просты и незатейливы. Я их легко понимала. Но только не сегодняшний. Хотя, какая разница? Мне приснилась запертая на висячий замок изнутри комната. Кроме меня в ней никого не было. Я не знала как туда попала и зачем.

Зазвенел звонок очень похожий на школьный. Я подошла к колесу (в таком обычно бегают белки) и начала перебирать ногами. Постепенно темп стал настолько высоким, что мне уже не удавалось разглядеть ничего вокруг. Стены и обод моего тренажёра слились в единую серую завесу, но я не останавливалась. Продолжала переставлять ноги и крутить колесо.

В какой-то момент совершенно перестала понимать что происходит. Утратила ориентир пола и потолка. Потеряла счёт времени, но остановиться не могла.

Вдруг стены комнаты пошли волнами. Колесо заклинило, и я рухнула на колени. Кирпичная кладка рассыпалась, и в проёме показался мужской силуэт. Глаза слепил яркий свет, и я никак не могла разглядеть человека, сколько не старалась.

Усиленно моргала, но зрение не прояснялось. Мужчина, видимо уставший ждать, взял меня за руку и вывел наружу. Всё. Больше ничего не приснилось. И к чему это? Непонятный сон.

Именно так я думала, бегая по кухне в поисках оставленных где-то ключей. Они обнаружились на обеденном столе. А когда я схватила связку, задела хрустальную вазочку. Сахарница со звоном разбилась о плитку пола. Вот же!

И тоже, наверное, какой-то знак. Не знаю какой. Мама была мастерица их толковать. Она верила в сны и приметы. Папа верил в маму. А я только в таблицу умножения и колебания валютного рынка.

Поэтому оставив осколки сахарницы на полу, закрыла дверь, села в такси и поехала в новый офис. Кто знает, возможно, он станет моим местом работы на следующий год. И сахарница тут совершенно не при чём.

Живой товар

В офис знаменитого Владислава Барсова я входила вместе с нынешним работодателем Москвитиным, с которым у меня сложились отличные отношения. Он оберегал меня как дочку, о которой мечтал всю жизнь. Если бы мог, наверное, и за сына бы просватал. Но договор есть договор. Я выполнила свои обязательства по контракту, теперь была его очередь отойти в сторону.

По условиям нашего соглашения он мог пользоваться моими услугами только один год. И уже завтра этот срок заканчивался. А значит, больше никаких ни личных, ни деловых контактов у нас не будет. Честно говоря, мы оба жалели и не хотели расставаться. Но это было нереально.

А ещё по условиям договора мой нынешний работодатель должен был найти мне следующего. Передать, так сказать, в хорошие платёжеспособные руки. На прошлой неделе он принёс мне фотографию хмурого мужчины средних лет с внимательным взглядом. Уточнил, устраивает ли меня его платёжеспособность. С деньгами у человека на снимке было даже лучше, чем у Москвитина. А это было самым важным для меня вопросом. И мы пошли знакомиться.

Владислав Барсов, 35 лет. Разведён. Детей нет. Образование получил за границей. Владелец заводов, газет, пароходов, и не только. Единственный сын знаменитого Георгия Барсова. Легендарного бизнесмена сколотившего состояния в 90-х и разбившегося на собственной яхте около 10 лет назад.

Сын подхватил бразды правления многомиллионным концерном внезапно. Но капитал не потерял, акратно приумножил. Сейчас Владислав до Форбса не дотянул совсем немного. Да какая разница? Главное, что мою зарплату оплатить сможет. А это единственный важный момент. С остальными амбициями пусть разбирается сам.

Офис Барсова поражал своим размахом и сочетанием противоположностей. В центре Москвы, в башне из стекла и бетона. Огромные пространства с большим количеством столов в нём чередовались с рядами кабинетов по индивидуальным карточкам. Открытые помещения с лифтами по именным ключам. Необычно.

Секретарь, похожая на манекен модного магазина, проводила нас в кабинет. Предупредила, что Барсов прибудет ровно в 12. Предложила чай, кофе и соки. Мы оба отказались.

В кабинете Барсова всё было удивительно. Москвитин здесь уже бывал, а я рассматривала обстановку с интересом. Две стены с витражными окнами занимали различные растения. Мхи и папоротники, орхидеи и пальмы. Всё это настолько органично сочеталось, что хотелось сидеть тут в гамаке и наслаждаться жизнью.

Две другие стены мерцали чёрной притягательностью бездны. Походили на громадные экраны телевизоров. Но стыков между мониторами я не обнаружила, сколько ни всматривалась. А о другом предназначении необычных поверхностей догадаться не смогла.

Посреди кабинета стоял огромный круглый стол. Тёмный цвет коньяка многолетней выдержки добавлял ему благородства. Мне почему-то захотелось прикоснуться к деревянной поверхности. Почувствовать гладкую прохладу. Удостовериться, что он вырезан из дерева. Я подошла к столу и замерла.

— Морёный дуб. Итальянская мастерская. — Раздалось прямо над моим плечом приятным мужским голосом. Это было так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула на месте. Шагов я не слышала, хотя на полу не было ковра. Только идеальный наборный паркет.

— Здравствуйте, Владислав Георгиевич. У вас красивый стол. — Пролепетала я, постепенно беря себя в руки и отходя от владельца кабинета подальше.

— Здравствуйте и вам. Анатолий?

– Привет, Влад. Это Ульяна Смирнова, человек, с которым я хочу тебя сегодня познакомиться.

Мужчины пожали друг другу руки. Теперь Барсов рассматривал меня придиричиво. От макушки и до самых пяток. Задержался на глазах. А скорее всего на стильной оправе известного бренда, которую я надевала с обычными стёклами, если хотела показаться немного умнее. Скользнул взглядом по дорожному костюму. Рассмотрел кожаный портфель и удивлённо поднял брови заметив надпись с названием модного изготовителя на туфлях с открытой пяткой. Но промолчал.

Сделал какие-то выводы и шагнул к другому концу стола. Попросил отойти на два шага в сторону. Потом постучал пальцами по тончайшему планшету, который я не заметила раньше, что-то прикидывая в уме.

Моментально началось движение. Стол ожил. Он бесшумно распался на сектора и дуги. Одни из них поднялись над поверхностью. Другие скользнули в панель ниже. И через несколько секунд перед нами уже был небольшой овальный столик. Я была потрясена. Обожаю современные изобретения. Даже на выставки роботов хожу в свободное время. Но такой мебели не видела ни разу.

Барсова обрадовала моя реакция. Он продолжил набирать комбинации на планшете. И из нижней части столешницы выехали три раскладных дизайнерских кресла. Туше. Я была поражена в самое сердце.

Барсов довольно рассмеялся. Теперь он был похож на сытого кота. Только у них бывает такое самовлюблённое выражение лица. И именно с ним Владислав предложил нам занять свои места за столом.

Странно, но раскладные деревянные стулья были очень удобными. Они чем-то напоминали эргономичную мебель знаменитого Гауди. Я уселась с комфортом. Но ещё до того, как успела достать необходимые документы, хозяин кабинета задал мне неожиданный вопрос.

– Ульяна, позвольте узнать, какое место на планете вы считаете самым красивым? Где хотели бы находиться, если бы не были на этой встрече?

– В Риме. Это мой любимый город. – Ответила я не задумываясь.

– А где именно?

– Возле четырёх фонтанов.

Барсов быстро набрал на панели планшета данные, и кабинет преобразился. Витражные окна закрыла непроницаемая завеса. Мерцающие чернотой стены исчезли. Передо мной теперь был вечный город. В центре возвышалась стелла привезённая из Египта. А вокруг неё фонтан четырёх рек работы знаменитого скульптора.

– Нравится? – Улыбкой Барсова теперь можно было топить льды Арктики.

– Да, это совершенно потрясающе! Слышно шум воды в чаше фонтана Бернини. Голоса людей на площади Навона. Мне кажется, что я даже вдыхаю запах специй с лотка торговца пряностями. Спасибо большое. Жаль только, что это не то место, которое я люблю.

– Как не то? – Радость сменилась удивлением. Владислав Георгиевич нахмурился.

– Это фонтан четырёх рек. А я просила перекрёсток четырёх фонтанов. Набор слов почти тот же, а суть разная. Здесь один фонтан и четыре реки. Там четыре фонтана, и реки четыре, вернее две, но это неважно. – Барсов напрягся, прикусил губу. А я попыталась разрядить обстановку. – Это как в Карлсоне. Можно один пирог с восемью свечками. Но хочется-то наоборот. Чтобы было восемь пирогов и только одна маленькая свечка. Правильное название места, которое мне нравится Перекрёсток четырёх фонтанов. Сможете показать его?

Барсов рассмеялся, расслабился. Оценил, что его авторитету никто не посмел угрожать. Откинулся с планшетом на спинку кресла.

– Разумеется. Сейчас продемонстрирую.

И уже через несколько секунд вокруг нас шумел живой римский перекрёсток. Ездили машины, сновали мотоциклы. А прямо передо мной журчал хрустальной водой фонтан реки Тибр.

Слёзы навернулись на глаза. Я вспомнила свой первый визит в вечный город с папой. Была ужасная августовская жара. Римляне уехали в отпуска. Почти все кафе и магазины были закрыты. Вечный город раскалился, словно каменная печка. И папа без остановки поил меня из уличных фонтанов. Потому что вода в них артезианская, потрясающая на вкус и идеально чистая.

Эти трогательные воспоминания обрушились на меня внезапно. Захотелось пить хрустальную воду и проситься к папе на ручки. Аж в горле запершило.

– Нравится?

– Да, спасибо. Потрясающий вид. Полное погружение. Выключите, пожалуйста изображение.

И снова Барсов был удивлён. Я бы даже сказала, заинтересован.

– Почему? Вам же понравилось! Только не говорите, что и это не то место.

– Место выбрано идеально. А вот время – нет. Вы спросили, где бы я хотела оказаться, если бы не была на работе. Это место мне сентиментально дорого. Оно настраивает меня на отдых, воспоминания о семье. Но я на работе. – Я добавила голосу нажима. – И очень прошу вернуть мне рабочее настроение.

Было видно, что Барсов огорчился, не найдя во мне ценителя. Он как ребёнок хотел удивлять своими игрушками, а я отказалась. Хозяин кабинета поджал губы, но просьбу выполнил. Стены вновь стали плоскими, чёрными, безэмоциональными. Из витражных окон вновь лился яркий дневной свет.

Я постаралась успокоиться и вернуться в русло деловой встречи. Достала из портфеля внушительную кожаную папку, флешку и небольшой термос. Всё это водрузила на стол. Глаза Барсова чуть не выпали от удивления из орбит.

– Эт-то что такое? – спросил он, кивая в сторону термоса?

– Ты не волнуйся, Влад. Это оборудование. Оно понадобится нам для разговора. Никакой опасности нет. В термосе обычный зелёный чай с тростниковым сахаром и лимоном.

– Толя, у секретаря есть 15 видов чая. Можно заказать любой. Зачем приносить его в термосе? Ещё бы в ведре додумались прихватить или в корыте.

– Не суетись, Влад. Ульяне так удобнее. Для неё каждая мелочь может иметь значение. А твой навороченный стол она не испортит, я ручаюсь.

Так бывает один раз в год. Разговор, как под копирку. Чужой кабинет, два богатых деловых мужчины. Папка, термос, удивление, адаптация, торг.

Чем богаче человек, тем быстрее проходит разговор. Чем беднее – тем длительнее и бестолковее. Можно не заглядывать к мужчине в кошелёк. Всё будет понятно по разговору.

Барсов сориентировался быстро. Оценил гарантии Москвитина, объём термоса и кивнул головой, возвращая себе лидирующую позицию. Мега делец. Топовый, не упускающий мелочей.

– Тогда давайте перейдём к сути. Анатолий, ты хотел встретиться, чтобы объяснить, каким способом удвоил свой капитал за год. Значит у меня вопрос, какое отношение к твоему финансовому успеху имеет Смирнова Ульяна?

– Непосредственное. Она уникальный специалист, которого я тебе рекомендую нанять.

– Хм. Такой бесценный, что ты стремишься от него поскорее избавиться?

– Нет, Влад. Я бы предпочёл, чтобы Ульяна осталась навсегда в моей компании, но у неё жёсткие требования. Я вынужден прекратить пользоваться её услугами. – Уголки губ Москвитина поехали вниз. Ему и правда было жаль.

– Толя... У неё? – Он выразительно повёл в мою сторону подбородком. – Требования к тебе? Что вообще тут происходит?

– Тут, Влад, происходит продажа уникального специалиста. При этом самого полезного для бизнеса. Срок договора один год. Цена вопроса ежемесячно такова.

Москвитин достал из внутреннего кармана пиджака карточку. На листе размером с визитку красовалась заранее чётко выведенное его почерком шестизначное число. Он положил карточку на столешницу и придвинул к Барсову.

Тот взял её в руки и присвистнул удивлённо. Настороженно перевёл взгляд с Москвитина на меня и обратно. Что-то прикинул в уме.

– Это бешенная сумма, Толя. У меня столько, наверное, не получает весь отдел Big Data вместе с руководителем. А их, поверь, я перекупал по высокому прайсу.

– Согласен, сумма кабанья. Но она того стоит до последней копейки.

Мужчины замолчали. Москвитин давал возможность Барсову осознать происходящее, нащупать опору под ногами, которую сам только что начал выбивать из-под его ног.

– И какие же услуги предоставляет Смирнова за эту баснословную сумму? Кто она вообще такая?

– Она провидица, Влад.

– К-то-о-о-о?!? – Голос Барсова стал выше. Брови удивлённо поползли вверх.

– Ясновидящая, если тебе так проще.

Владислав Барсов откинулся на спинку кресла и расхохотался. В этот момент он был таким искренним и открытым. Кивал головой и даже хлопнул несколько раз в ладоши.

– Толя, где скрытая камера? Откуда сейчас выскочат люди с хлопушками и воплями «сюрпри-и-и-из»? Поздравляю тебя. Твои розыгрыши стали гораздо тоньше. В этот раз я хотя бы одет.

– А это, Влад, не розыгрыш. – Москвитин с сожалением поджал губы. – Это реальное предложение. Я удвоил свой капитал благодаря Смирновой. По её заключению я отказался от провального контракта с холдингом Поречного. Вы тогда все потеряли, а я нет. Она не дала мне нанять на должность генерального директора Авилова. А мой конкурент с ним просел почти на 20%. Посчитай сколько ты потерял на Поречном, сколько обойдётся тебе в год провидица и сделай вывод. И я не шучу. Я рекомендую выкупить её услуги на 12 месяцев не торгуясь. Гарантирую, через год ты будешь меня благодарить так же, как я сегодня буду благодарить человека, приведшего Смирнову ко мне в кабинет год назад.

Барсов замер. Принять предложение ему не давал ни предыдущий жизненный опыт, ни очевидная нереальность происходящего. Кто? Провидица? А зубная фея с вами? Беру обеих, устрою себе волшебные выходные.

Мне было интересно наблюдать за противоборством двух мастодонтов. Оба в бизнесе с пелёнок. Акулы, воротилы, олигархи. Оба чувствуют прибыль за версту и торгуются до потери пульса. Думала, что и этот вцепится в цифры. Но он вцепился в меня.

– Беру. Давай подробности.

И протянул Москвитину свою крепкую ладонь. Мужчины пожали руки и повернулись ко мне. А что я? Раскрыла паку и начала презентацию.

Оффер

Теперь на меня смотрели оба бизнесмена. Москвитин с гордостью и превосходством перед давним другом. Барсов внимательно и настороженно. Он вставил мою флешку в планшет и теперь стена кабинета транслировала не улицы Рима, а содержимое переносного носителя информации.

Я листала страницы своей папки. Объясняла условия трудоустройства. График 5/2. Готова к командировкам и работе после рабочего дня. Сразу после этого мной будут использованы отгулы согласно КЗОТа.

В день я могу ответить на 9 вопросов по документам. По людям только на 3. Остальное пересчитывается в пропорции. Например, я могу ответить на 6 вопросов по бумагам и на 1 по сотруднику или контрагенту. Или по 2 людям и 3 по документам соответственно.

Результатом моего консультирования будут ответы «да» или «нет» по указанному в договоре количеству вопросов в день. Я имею право отказаться отвечать на конкретный вопрос, если не найду возможности почувствовать отклик от человека или документа.

Всё это Барсов слушал, листая договор на экране, вчитываясь в строчки. Когда я сказала, что для ответов на вопросы по людям мне необходимо их однажды увидеть на расстоянии вытянутой руки, он встрепнулся.

– Разве вы не можете проконсультировать по фотографии?

– Нет, я не чувствую отклика от человека, которого ни разу в жизни не ощущала рядом. Ни фото, ни видео съёмка, ни, тем более, портреты, не позволяют мне ответить на поставленный об этом человеке вопрос.

Барсов задумался. – А как быстро вы сможете отвечать, увидев человека?

– Сразу же. Лучше задать мне вопрос ещё до того, как я к нему подойду. А вам я отвечу уже после встречи. Для работы мне надо почувствовать человека определённым образом. Для этого достаточно пары секунд и очень много сил. Поэтому личных встреч может быть так же не более 3 в день.

– То есть, если я хочу задать вопрос про владельца крупного холдинга в Сибири, вам надо туда лететь, чтобы с ним встретиться?

– Да, или присутствовать на встрече с ним в любом другом месте. В гостинице в Москве, куда он прилетит на совещание. На берегу моря или возле подъёмника в горах, где он будет отдыхать. Меня не обязательно с ним знакомить. Я просто могу побыть несколько секунд рядом. Этого достаточно. Потом отвечу на вопросы про этого человека хоть через год.

– Понятно.

– Важный момент. Люди, которые вас интересуют статусные. Поэтому, если будете планировать наш контакт, понадобится соответствующая одежда. Можете посмотреть папку «Гардероб». Там всё рассортировала по брендам и сезонам. Если одежда, обувь и аксессуары подойдут, воспользуюсь ими. Если будете представлять меня, например, своей невестой и потребуется брендовый комплект из новой коллекции, его вам понадобится оплатить отдельно.

Будущий работодатель смотрел на экран внимательно, не перебивал. Открыл каталог файлов. Пролистал наименования брендов в папке «Гардероб». Открыл одну и пролистал мои фото в костюмах, платьях, брюках с джемперами. Стал задумчивым.

– Скажите, Ульяна, а почему нельзя задать вопрос, по которому можно получить развернутый подробный ответ?

Умный какой. Обычно до этого додумываются месяца через полтора. А Барсов сразу взял быка за рога. Этот заставит меня отрабатывать каждый вложенный рубль прямо сегодня. Ох и работодателя мне нашёл Москвитин.

– Можно. Вы даже получите развёрнутый ответ Владислав Георгиевич. Но это абсолютно непредсказуемый процесс. Его невозможно стандартизировать. Нельзя прописать в системе мотивации и проконтролировать. К тому же процесс может быть неопределённым. Настоящий смысл может быть утерян в связи с разным пониманием значения слов у меня и задающего вопрос. А после такой развёрнутой консультации я могу выйти из строя на день, неделю или даже месяц. Думаю, что не это вы предпочитаете получить с установленным мне окладом, не так ли?

– Могу ли я задавать личные вопросы вам, как сотруднику...эээ... Прорицателю?

– Безусловно. Но как опытный специалист, не рекомендую этого делать. Как только вы поймёте, до какой глубины мы можем прорабатывать документы и сделки, у вас образуется очередь на 50 лет вперёд. И это принесёт вам ощутимую финансовую прибыль. И не валовую, о которой пекутся сотрудники, а чистую. Ради которой вы и открывали все эти бизнесы. А что вам даст знание, что ваша девушка вам изменила? Тем более, что понятия честность и предательство у всех разные. Вы будете думать, что она переспала с водителем, а я, что она поцеловала одноклассника в щёчку. Это всё субъективно. Предлагаю привязываться к конкретным показателям. Проценту прибыли, срокам поставок, коэффициентам и показателям EBITDA. Кстати, вы и ваши сотрудники, которые будут готовить мне документы для анализа, должны научиться правильно задавать вопросы. Их примеры я сформировала в отдельный файл. Так что, если у вас запланирован тренинг по постановке целей, можете отменять. СМАРТ будет натренирован сотрудниками к концу года идеально.

Барсов сморщился, как будто укусил лимон. Он даже в кресле крутанулся. От нетерпения. На лице бегущей строкой отпечатывались списки договоров и вопросов по ним. Но до конца Владислав Георгиевич ещё не мог принять мою действительность.

Так бывало всегда с новым работодателем. Этот момент, когда он уже согласился, но ещё не мог затащить меня в своё мировоззрение ни боком, ни с прискоком. И его терзали сомнения.

– Ульяна, вы кто такая? Что вообще происходит?

– Я прорицательница. Если угодно, ясновидящая.

– Послушайте! – Его голос стал возбуждённым. – Ну какая вы прорицательница? Вы, наверное, психолог дипломированный? Выглядите как девушка из высшего общества. На вас надето столько, сколько большинство зарабатывает в год. Ваш договор настолько детально прописан, что я отдам его юристам, как образец. Вы ориентируетесь в финансовых показателях лучше, чем рядовой сотрудник бухгалтерии. Что происходит? Кто вы, Ульяна?

– Прорицатель. Отвечая с конца, я выучила финансы, чтобы помочь предпринимателям получать максимальную информацию при формулировании вопросов. Проработала договор так скрупулёзно, чтобы остаться живой. Каждый вопрос стоит мне колоссальных жизненных сил. Я даже в обморок падаю, давая ответы. А в брендовых вещах потому, что их покупали для встреч с партнёрами предыдущие работодатели. Почему бы не носить, если они уже есть в моём гардеробе? Так ведь? И давайте уже тестовый договор. А то, боюсь, расшатаете своё дизайнерское кресло от нетерпения.

Барсов хмыкнул и понеслось. Мой договор он отдал на проверку юристу. Мне принесли три пачки документов. Пока я не работала с крупным бизнесом, видела договоры состоящие из 2-3 листочков. А теперь уже не удивлялась увесистым пачкам с кучей подробностей.

Потом мы торговались, сколько ответов я дам в тестовом режиме. Под стоны Москвитина, которому я проконсультировала на первой встрече только один документ, остановились на трёх. Я согласилась. Этому, как говорится, проще дать, чем объяснить почему не хочу. Знаю я таких бизнесменов.

Я налила себе чай, придвинула верхний договор и положила перед собой первую пачку листов. Перевернула их тыльной стороной. На немой вопрос Барсова ответила.

– Так я не буду отвлекаться и меньше буду знать о ваших коммерческих тайнах. Кстати, если вы хотите усилить режим секретности, документы, которые вы будете предоставлять на консультации, можно запечатывать в конверт. Вопрос приклеивать сверху.

Следующие пол часа мы составляли вопросы и отметили их. В конце концов Барсов записал формулировку на листе и передал его мне. Бисерный приятный почерк. Аккуратный и ровный. Интересно.

Вопрос был об объёмах поставок по договору. Я прочитала его вдумчиво несколько раз. Внезапно мне стало холодно. Казалось, что в кабинете зимой открыли окна и поочерёдно выключили лампочки.

Стало невыносимо страшно. А ещё очень больно. Ладони, лежащие на листах договора словно пронзали иглы. Казалось, что ледяные осколки прошли их насквозь.

С трудом мне удалось оторвать руки от документа. В комнате снова стало тепло и светло. Но я не переставала дрожать, словно провела в морозильной камере пару часов.

Схватила крышку термоса и отхлебнула из него горячий ароматный чай. Глоток, ещё один. Я начала оттаивать и успокаиваться. Поняла взгляд на ошарашенного Барсова и чётко ответила.

– Нет. На ваш вопрос получен чёткий отрицательный ответ.

– Но этого не может быть! Это надёжный партнёр. Я задал вопрос просто так. И получил ответ, из-за которого мне теперь кучу всего переделывать! Ульяна, это шутка такая с моноспектаклем? Скажите честно!

Мне нечего было ответить. Никто не задаёт вопросы, которые оплачивает мне по несколько сотен тысяч рублей просто так. Спрашивают то, про что и у самих уже сработало чутьё, но решение кажется абсурдным.

Я молча пила горячий сладкий чай с лимоном и пыталась согреться. Не получив ответ, Барсов медленно повернулся к Москвитину. Тот молча кивнул. Хозяину кабинета этого оказалось достаточно.

Он извинился и с безумной скоростью заколотил по поверхности планшета. Потом просмотрел несколько ответов. Договор вручил вошедшей секретарше. Снова что-то написал и отложил планшет в сторону.

Теперь он был не просто сосредоточенным. Он был готовым к решительным действиям. Вот таким он и выигрывал переговоры. Умный, сильный, властный, бескомпромиссный.

Таким он мне безумно нравился. Чёткий профиль, ясный цепкий взгляд серых глаз. Короткая стильная стрижка. Словно обведённые карандашом губы. На них я и залипла. Никак не могла справиться со слабостью. Просто пялилась, как малолетка на чувственный рот.

– Ульяна? – Его озабоченный рокот вернул меня к действительности. – Вы можете продолжать?

– Да, давайте следующий договор. И вопрос формулируйте по образцу в файле.

Из стопки была вынута следующая пачка листов. Теперь Барсов протягивал его мне сразу перевернув обратной стороной. Быстро схватывает. Быстрее остальных. Поэтому и впереди. И вопрос успел написать, хоть я даже и не заметила, пока согревалась горячим чаем.

Отодвинула термос подальше и положила договор перед собой. Сверху накрыла листом с вопросом. Ряд ровных букв сложился в предложение. Я чётко и медленно произнесла вопрос про себя. С силой прижала ладони к бумаге.

Спустя несколько секунд ситуация повторилась. Я начала замерзать. В глазах потемнело. Руки пронзило резкой болью. Теперь она была не только в ладони. Пронзала стальными спицами почти до локтя. На этот раз боль была не ледяной, а огненной.

Словно ошпарившись, отдернула ладони от договора. Учащённое дыхание постаралась успокоить. И когда язык начал слушаться чётко произнесла.

– Да. Ответ положительный.

– Да что ж такое-то? Здесь тоже будет не так, как я рассчитывал!

Барсов расстроился ещё больше. Снова посмотрел на Москвитина. Тот пожал плечами.

– Так бывает, Влад. Но ты теперь знаешь об этом заранее. Можешь принять меры. Ульяна не задерживает поставки и не проваливает платежи. Она тебе докладывает, что это делает кто-то другой. Тот, кому ты безоговорочно доверяешь. Причём честно и заранее. Поэтому не смотри волком. Принимай меры, и подписывай договор с Ульяной. И мы пойдём.

– Не торопись, Толя. Мне ещё один ответ сегодня обещали. Так что дай мне несколько минут и продолжим.

Он снова застрочил в планшете. Что-то пересылал, получал ответы. Потом ему принесли бумаги. Барсов их бегло просматривал. В основном кивал. На одном листе зачеркнул целый абзац и потребовал переделать.

Всё это я видела и слышала, словно через толщу воды. Звуки были приглушёнными. Картинка перед глазами расплывчатой. Руки грела о крышку термоса и пила мелкими глотками.

Постепенно суета вокруг Барсова улеглась. Он перестал строчить на планшете и сформулировал вопрос к последнему договору. А Барсов красивый. Такие нравятся женщинам. И таким не угодишь. Слишком требовательный. Перфекционист.

Пока писал хмурился. Несколько раз зачёркивал фразу целиком. Переписывал. Добавлял другие слова и цифры. Окончательный вариант выписал на новый лист. Вместе с перевёрнутым договором протянул мне.

Но отдавать не торопился. Заглянул в глаза не отпуская пачку бумаги из рук. Снова нахмурился.

– Ульяна, вы нормально себя чувствуете? Может быть, перенесём этот вопрос на завтрашний день?

– Не надо. Завтра у меня будет 9 таких вопросов по моему рабочему контракту. Так что легче не будет. Давайте закончим с моими обещаниями, и я поеду домой. Устрою себе отдых.

Бумаги тут же оказались у меня в руках. Эта пачка была самой тяжёлой. А ещё первая и последняя страница были разными. Складывалось ощущение, что договору много лет. И к нему уже добавили несколько дополнительных соглашений. Получился увесистый том. Летопись отношений между давними партнёрами. И теперь между ними что-то не ладилось. Серьёзно беспокоило собственника.

Вопрос был очень коротким. Я оттягивала его прочтение вместе с болезненными последствиями. Но деваться некуда. Надо выполнять обещанное.

Задержала дыхание и прижала руки к договору. Про себя произнесла написанные Барсовым слова, но ничего не почувствовала. Задала вопрос повторно. И снова не получила отклика. Я уже собралась мысленно проговаривать написанное ещё раз, но это не понадобилось.

В холод и темноту я провалилась внезапно. Не по нарастающей, а словно рухнула в глубокий погреб. Руки ломило нестерпимо. Но самым неприятным была резкая смена ледяных уколов на ошпаривание языками пламени.

Пронзительный холод несколько раз успел смениться огненным потоком, когда я нашла в себе силы отдёргнуть руки. Торопливо сделала несколько глотков остывшего чая.

– Однозначного ответа нет.

– Как это? – Оба бизнесмена смотрели выжидающе. – Я задал вопрос: «По исполнению договора принимает решение о сотрудничестве старший сын Воронова?». И как расценивать ваш ответ?

– Я не знаю. Могу предположить два варианта ответа на вопрос. Возможно, решение принимается коллегиально. Например, несколькими членами семьи или сотрудниками компании. И в этот совет старший сын входит. Или в разное время этот контракт курируют разные люди. Например, с сентября по май старший сын, а на каникулах младший. Я не знаю.

– А это мысль! – Барсов улыбнулся и даже в ладоши хлопнул от удовольствия. – Надо проанализировать смену стиля руководства по временным отрезкам. Может быть, и найдём правильный подход.

Потом он суетился, отсылал распоряжения. А я допила чай, подписала новый договор о сотрудничестве. Обняла на прощание Москвитина и ушла. Бывший работодатель остался в кабинете нынешнего. Так всегда бывает. Меня берут у друзей и передают им же. А с ними многое хочется обсудить. Особенно за такие «кабанячьи», как любил говорить Москвитин, деньги.

Первый рабочий день

Приятно работать в многомиллиардных корпорациях. В них всё отлажено до автоматизма. Я только вчера устроилась, а сегодня у меня был электронный ключ с допусками. Список помещений с картой, куда я могу заходить. Стопка документов для визирования.

А ещё полное выполнение райдера. Отдельный кабинет с диваном, креслом-грушей, микроволновкой, чайником. Два вида обогревателей и три источника света. Кресло указанной модели и производителя. И это исключительно по производственной необходимости. А вовсе не для собственного удовольствия, как можно было подумать.

А ещё мне выдали новенький корпоративный телефон. На котором было всего два контакта. От секретаря Луизы в мессенджере висели сообщения: «Добро пожаловать в компанию! Буду рада помочь по любому вопросу. На столе документы для отдела кадров и службы безопасности. Прошу подписать до обеда».

От Барсова только одно. «Здравствуйте, Ульяна. Будьте готовы знакомиться с сотрудниками в 11 часов». Ну, разумеется. Все начинают с персонала. И делают большую ошибку!

Люди неоднозначны. По ним сложно задавать вопросы. А интерпретировать ответы ещё сложнее. Вот, например, хочет собственник узнать, будет ли у него работать генеральный директор одного из предприятий через год. Именно так задаёт вопрос. Получает отрицательный ответ.

А после этого меняет отношение к сотруднику. Позволяет себе колкие замечания. Подозревает в лояльности конкурентам и поиске работы. В конце концов доводит сотрудника до нервного срыва и тот увольняется, не отработав и трёх месяцев. Предсказание сбылось? На 100%. Помогло ли оно собственнику? Что-то я сомневаюсь. Тем более, что новый директор тоже вызывает сомнения. И это может продолжаться бесконечно.

Откуда я это знаю? У меня был договор с очень подозрительным человеком. Во время моей работы у него я консультировала только людей. Текучка на производстве выросла. Хорошо, что через год я уволилась. А то бы он растерял весь коллектив. Но это всё не моё дело. Я только исполнитель, а выбор вопросов всегда за собственником.

Ровно в 10:45 я пришла в приёмную к Луизе. Она отвела меня в переговорную. Очень удобно, что мой кабинет находится на одном этаже и с Барсовым, и с комнатами для совещаний.

Я уселась в офисное кресло и приготовилась изображать коуча. В договоре моя должность называется именно так. Мало кто понимает что это такое. Звучит загадочно. Воспринимается, как прихоть собственника. А вопросы я научилась задавать мастерски.

Как обычно, просiju на деловом совещании, где ставят новые задачи и проверяют выполнение предыдущих. Постою возле каждого из сотрудников. Потом они уйдут, и я получу вопросы по каждому. Один или несколько. И буду отвечать.

Всё это происходило много раз. По одному и тому же сценарию. Поэтому я улыбалась проходящим. Вглядывалась в лица. Старалась запомнить, почувствовать.

Возле меня расположился коренастый мужчина лет 40. Короткая стрижка, русые волосы, светлые глаза. Представился Виталием Слоновым, но Слоновым тоже разрешил себя называть.

Улыбнулся и подмигнул. Но как-то слишком артистично, что ли, отрепетировано. Словно он всего этого не чувствовал, а играл весельчака. Явно кто-то из фронт-офиса. Каждый новый контакт – клиент. Обаяй сейчас, может пригодиться в будущем.

Напротив занял место мужчина лет 35. Высокий, жилистый, серьёзный. Абсолютно лысый. С тёмными, почти антрацитовыми глазами.

Представился Петром Черновым. Пожал через стол руку. И тут же про меня забыл. Уткнулся в планшет, в котором без конца что-то писал, отправлял, получал. И это не было рисовкой. Он и правда жил в планшете. Наверное, если сейчас выйти, он не вспомнит, что я была.

Последняя сотрудница вошла вместе с Барсовым. Невысокого роста. Если бы я не была уверена, что в кабинете соберётся Топ-менеджмент компании, думала бы, что женщина какой-то линейный сотрудник. Может быть даже курьер.

Топала как носорог. Шлёпала ногами, как прораб на стройке. Наступала громко своими туфлями. Хотя никакого каблука у них не было. Они что, ортопедические?

Рыхлая. Из макияжа только тушь для ресниц. Даже без тональника. Русые длинные волосы собраны в низкий хвост. Просто мытые! Прихваченные обычной чёрной резинкой. Училка начальных классов, и та выглядит более стильно. Странно.

А взгляд, как у бетонной плиты. Эта идёт к цели без разбору и сантиментов. Просто прёт как лось сквозь лес. А за ней просека и поваленные деревья. Зато к цели примчится первой. Робот, а не женщина.

Все друг друга живо поприветствовали. Мужчины жали руки. Как я и ожидала, начал совещание Барсов.

– Добрый день, коллеги. Представляю вам Смирнову Ульяну. С сегодняшнего дня она станет одним из ключевых сотрудников нашей компании. В каком качестве вы узнаете чуть позже. Пока давайте обсудим, что удалось сделать по вчерашним изменениям. Ульяна, Елена Миронова мой директор по финансам. Её договор был вчера третьим. Елена? Что скажете?

Мужчины взглянули на меня удивлённо. Женщина даже не повернулась. Открыла блокнот и затараторила подробностями, датами, ответственными сотрудниками. При этом смотрела только на Барсова.

– Мы проанализировали запросы, качество обработки счетов и график поступления средств. Адекватная работа в течение 3 месяцев сменяется полным хаосом и абсурдными требованиями в течение одного месяца. Процесс, как вы и предполагали циклический. Начался 15 месяцев и 3 недели назад. Сейчас подходит к концу последняя неделя неадекватности. Это вселяет надежду, что с понедельника начнётся работа по графику.

Барсов кивнул, и Елена с чувством выполненного долга захлопнула блокнот. Словно капкан защёлкнула. Финансовая машина, а не женщина. Посмотрим.

– Спасибо, Елена, как всегда чётко и оперативно. – Барсов кивнул в сторону лысого мужчины. – Пётр Чернов мой директор по производственному сектору. Всё, что мы выпускаем, его заслуга. Вчера мы рассматривали его договор первым. Сегодня служба безопасности доложила по запросу, что основной поставщик комплектующих готовится к банкротству. Так что вчерашние распоряжения в силе. Елена, прошу не перечислять аванс ООО «Электро-офф». Отложите выплаты на следующую неделю. – Финансист кивнула. Что-то черкнула в блокноте и снова замерла как неживая. Как выключенный из розетки робот. А Барсов продолжил. – Пётр, как планируете справляться без основного поставщика?

– Закупили аналоги у других производителей. Поставили в стенды. Тестируем с самого утра.

– Когда вы успели заключить договоры и закупить образцы?

– А мы их не заключали. Это долго, а у нас каждый час на счету. Купили необходимое количество в розничной сети под отчёт. Тестируем четырёх производителей. К пятнице будут выгружены результаты тестов. Закупки уже договариваются о долгосрочных контрактах и объёмах. Как только выберем комплектующие с лучшими характеристиками, подпишем договоры.

– Толково. Спасибо. И последний в сегодняшнем трио по очереди, но не по значению, Слонов Виталий. Директор по развитию. Всё, что касается продаж, маркетинга, пиара, соци-

альных сетей и прочего – в его ведении. И его договор шёл вчера под номером два. Так что там у нас с рекламной компанией?

– Проанализировали точки риска. Со СМИ всё спокойно. Их много. Даже если кто-то один выпадет – отработаем качественно. С текстовкой и сопровождением тоже полный порядок.

– А с чем непорядок?

– Со стейкхолдером – рекламным лицом кампании. Человек, который должен был презентовать продукцию, давать интервью и выступать на брифингах в это время, скорее всего будет занят.

– Вот это новость. И чем же? Конкуренты перекупают?

– Нет. Его родной брат сделал предложение своей девушке. Планируют свадьбу в Австралии. По предварительным сведениям, в эти даты. Объявление ещё не делали, но очень вероятен отказ от нашего контракта. Стейкхолдеру ищем замену. Время есть. Сейчас ещё можно выбрать другого лидера мнения.

– Отлично. Спасибо. Держите на контроле. Скажите, когда найдёте замену.

– Сделаю.

В кабинете стало тихо. Каждый чувствовал себя молодцом. Все отработали свалившиеся неприятности. Собственник оценил заслуги каждого. Теперь все украдкой бросали любопытные взгляды в мою сторону.

– А теперь к цели совещания. Как вы понимаете, я мог задать вопросы по вчерашним распоряжениям и в CRM. Но пригласил каждого лично. Петра попросил вернуться в офис из лаборатории. Думаю, каждый из вас вчера гадал, откуда я узнал о проблемах по исполнению договоров. Всё идёт по плану, неприятностей ждать не приходилось. А уже сегодня мы все потрясены тем, что могло случиться, если бы мы не узнали о подводных камнях исполнения контрактов. Только в производстве потери составили бы минимум 32 миллиона рублей. Так?

Все утвердительно закивали головами. Слонов подался вперёд, словно хотел услышать тайну первым. Елена открыла блокнот. А сидящий напротив Пётр переводил свои чёрные глаза с Барсова на меня и обратно.

Интересно собственник ведёт совещание. Сотрудники на его стороне не по должности, а по-человечески. Умеет Владислав расположить к себе. Сейчас резюмирует, скажет какой я ценный сотрудник и как буду ему помогать. А потом передаст мне список вопросов по каждому из них. Все так делают.

Но Барсов повёл себя совершенно иначе. Он продолжал говорить, а я сильнее вжималась в кресло. С таким поворотом я ещё никогда не сталкивалась.

– Коллеги, прежде чем мы продолжим, напоминаю о высоком уровне секретности моего сообщения. Прошу никому не разглашать информацию. Тогда мы получим неоспоримое преимущество перед конкурентами. Мы будем точно осведомлены, реализуется ли договор, пройдёт ли оплата вовремя или с кем заключить контракт на следующий период. Мы будем знать не то, что люди нам говорят, а то, что они сделают на самом деле. И это поможет сделать нам колоссальный рывок вперёд. Мы проверим всех ключевых контрагентов и будем работать со 100% уверенностью. И всё это, я снова напомню про коммерческую тайну, поможет нам сделать присутствующая здесь Смирнова Ульяна. Дело в том, что именно она помогла выявить вчера проблемные участки. И сделала она это благодаря своему таланту прорицателя.

Тишина в комнате стала осязаемой. Теперь меня рассматривали, как насекомое под микроскопом. Вглядывались старательно. Пытались найти что? Отличия от нормальных людей? Ведьминские метки? Какие? Метлу? Рога? Что?

Разумеется, ничего не нашли. Не высказали сомнений Барсову. Ведь его авторитет был непререкаем. Но, было видно, что поверить не торопятся.

– А можно уточнить, что именно Ульяна прорицает? – Пётр пытался найти хоть какое-то рациональное зерно. – И как именно? Гадает на кофейной гуще? Варит галлюциногенные напитки, слышит духов? Нам это зачем?

– Она своеобразный детектор лжи. Если задать ей вопрос, на который можно получить только ответы «да» или «нет», она укажет правильный вариант. А для чего нужно? Для проверки самых дорогих сделок, ускорения тестирования гипотез. Например, вы решили вывести на рынок новый продукт, но сомневаетесь, будет ли он иметь коммерческий успех. Задаёте вопрос и получаете ответ уже сегодня. Не тратите деньги на выпуск тестовой партии, её рекламу, развоз, хранение и обучение персонала. Просто забываете о новинке и занимаетесь другими делами, сэкономив компании кучу денег, а себе время и нервы. Поверьте, у меня есть рекомендация человека, который удвоил свой капитал за год с Ульяной. И вчерашнее тестирование договоров с контрагентами также прошло успешно. Это вполне рабочая схема.

Присутствующие не были в восторге. Они рассматривали меня сквозь панцири своих рабочих масок. Маркетолог Слонов радушно-благодарно. Позитивный, готовый завалить меня вопросами по контрагентам и рекламным кампаниям уже сегодня. Собственник сказал, и он не будет спорить. Он тоже не верил, но пререкаться с собственником не собирался.

Пришедшая последней финансист Миронова рассматривала внимательно. Пыталась понять, чем это для неё обернётся. Сколько дополнительной нагрузки прибавится. Почему нагрузки? Потому что каждая фантазия собственника ложилась на её плечи дополнительной работой. И эта не станет исключением.

Но хуже всего дело обстояло с производственным Черновым. Он мне не просто не верил. В его взгляде читалось презрение ко всем прорицателям в мире и ко мне, в частности. Вечная усталость от «гениальных идей» собственника, которые он вынужден был воплощать в жизнь.

А ещё жалость к Барсову. Было видно, что Чернов сочувствует своему работодателю, которого сумела обвести вокруг пальца эта мошенница в дорогих шмотках. Почему-то его злило именно моё внешнее благосостояние. Разумеется, он высказался первым.

– У меня есть вопрос. Я директор по производству. За всё, что в нём происходит отвечаю лично я. И морально и, что характерно, финансовыми показателями результативности. От этого зависит прибыль компании, и моя. Теперь вопрос. Что будет, если у меня будет одно мнение по вопросу, а у прорицательницы Смирновой другое? Чьё слово будет решающим?

Он замолчал. Но в воздухе повисло напряжение. Если верить будут мне, то я буду напрямую влиять на его заработок. А это почему-то для него было важнее всего. Жаден? Не похоже. Но вопрос очень болезненный.

Я ёрзала на стуле, потому что впервые была представлена коллективу в своём настоящем качестве. Коуча никто не опасался. Думали, что это что-то типа модной любовницы. Смотрели снисходительно и разбегались по своим делам.

Да и собственник ничего не объяснял, представляя меня консультантом. Говорил, что я буду помогать ему находить правильные решения или что-то в этом роде. На него смотрели с сочувствием. А Барсов меня представил, как прорицательницу. И теперь вынужден был убеждать и обосновывать мою кандидатуру. И своё нормальное психическое состояние заодно.

Но по ощущениям Барсов не был раздражён лишними вопросами. Он был вдохновлён идеей вывести работу на другой уровень. Буквально горел энтузиазмом. И хотел получить сознательную поддержку коллектива.

– В том-то и дело, что вы не будете спрашивать у Ульяны то, в чём и так уверены. Вы захотите задать вопросы по шатким, рискованным договорам. По которым у вас самих нет ответа. Или, например, уточнить, придут ли комплектующие в течение трёх месяцев заявленных в контракте, или нужно подстраховываться? Вы сами будете решать, что спрашивать. Мы установим график подачи документов на экспертизу прорицательницы. И каждый из вас сам будет

решать, что он хочет узнать наверняка. К тому же, что делать с полученными сведениями, вы тоже будете выбирать самостоятельно.

Чернова это немного успокоило. Он не перестал хмуриться, но напряжения в позе стало меньше. Наверное, решил, что я лично ему угрозы не составляю.

– Но и это не всё. – Теперь Барсов наклонился корпусом вперёд. Его голос стал мягким. Да и он сам стал похож на любящего отца. Деда Мороза, как минимум. Теперь я увидела не многомиллионного дельца, а человека. Поняла, почему на совещании царила благожелательная атмосфера. Почему его слова воспринимались с уважением. – Дело в том, что у каждого из вас есть очень больной личный вопрос. То, что не даёт вам спать ночами и мучает ежедневно. И я хочу сделать вам подарок руками прорицательницы. Сегодня вы можете задать ей по одному личному вопросу для себя. Узнать то, что вас на самом деле тревожит. Успокоить душу.

Я была поражена. Никто и никогда не тратил свои деньги на личные вопросы сотрудников. Никто и никогда. Их проверяли, контролировали, но чтобы вот так поддержать? Это в моей профессиональной практике случилось впервые.

После предложения Барсова я как будто услышала звон разбивающихся масок Топ-менеджеров компании. Слонов перестал быть добродушным, Чернов деловым, а Миронова высокомерно-бесстрастной. Теперь они стали обычными людьми с проблемами. Уставились на меня с мольбой и надеждой. Как на мессию. И это тоже было неловко.

– Коллеги, подготовьте свои вопросы до 12, а лучше прямо сейчас. Чтобы у Ульяны было время дать вам ответы. Как это эффективнее сделать, решите сами. У меня следующая встреча. Надеюсь на ваш профессионализм и благоразумие. И... Удачи вам!

Барсов попрощался и уехал, а я осталась в переговорной среди умных, ошарашенных людей. Больших детей, надеющихся на чудо. И от этого было гадко на душе. Ведь чуда не будет. Будет правда. А кому она нужна в личных вопросах? Никому не нужна. А надежды я не оставляю.

Три желания

Они смотрели на меня во все глаза. Мне было неловко и досадно одновременно. Барсов сделал широкий жест, подарив своим сотрудникам ответ на личный вопрос. А потом бросил меня с ними наедине.

В предыдущих компаниях меня не любили, хотя и не знали о моих способностях. Я всё время давала поводы к такому отношению. Представьте себе, вы разрабатывали что-то несколько месяцев. И вот когда требовалось перейти к реализации, тему закрывали полностью.

Сотрудникам причин не объясняли, но все же умные люди. У собственника появился личный коуч, и он стал капризным самодуром. Без объяснения причин разрывает договоры, увольняет персонал, меняет поставщиков и требует развития других рынков сбыта. Причина в новом коуче.

Эти знают правду и меня будут не просто недолюбливать. Сейчас они зададут личные вопросы касающиеся самого трепетного. И я дам честные ответы. А за это они меня могут даже возненавидеть. Если хваткому Барсову понадобилось время, чтобы понять, что я на ситуацию не влияю, а только озвучиваю. То его ТОП-ам на это может понадобиться год.

Поймёт ли эта троица поверить, что я не вершу судьбы. И если от кого-то уйдёт жена или ребёнок бросит престижный институт, в этом нет моей вины. Я просто принесу дурные вести.

Разумеется, люди за столом не знали о чём я думаю. И не понимали, что нужно делать. Поэтому я взяла себя в руки, объяснила, как нужно сформулировать вопрос. Попросила написать разборчиво от руки.

А ещё сказала, что вопрос надо отдать мне лично в руки. От Мироновой я сидела далеко. Почувствовать её мне не удавалось. Но и рассказывать правду, о том, что остальные для меня уже были открытой книгой, не собиралась.

Пусть технология работы останется для них тайной. Барсов им доверяет. Но лишнего им знать не надо. Пусть думают, если ничего мне в руки не давали, личный вопрос невозможен. Так даже лучше.

Слонов, который буквально подпрыгивал от нетерпения, метнулся из кабинета. И уже через несколько секунд у всех были листочки и ручки. Сотрудники писали и переписывали, зачёркивали и формулировали заново.

ТОП-овую троицу было интересно рассматривать в ситуации, которая касалась лично каждого из сидящих за столом. У Мироновой дрожали губы. Ручка так неловко скользила по бумаге, как впервые вставший на коньки ребёнок.

Она стала писать с большим нажимом, чтобы удержать контроль. Но это плохо помогало. Финансист даже вынуждена была несколько раз прерваться. И выглядела она при этом не как училка, а как школьница. Наивная и молодая. Интересно, сколько лет этой престарелой девочке?

Чернов стал напряжённым. Хмуро раздумывал несколько секунд над чистым листом. Потом медленно и очень аккуратно начал выводить каждую букву. Словно писал тест на конкурс по каллиграфии.

Слонов ёрзал рядом. Как игрок на тотализаторе он не мог усидеть на месте. Мне даже казалось, что сунет свой листик и завопит: «Я первый!». Он и правда закончил раньше всех. Но записку отдавать не торопился. Странно.

Написала свой вопрос и Миронова. И тоже просто смотрела на меня с робкой надеждой. Ей было неловко. Но она старалась держать себя в руках. И тоже, написав вопрос, не отдала его мне. Косилась в сторону Чернова.

Сначала я думала, что производственник их неформальный лидер. Уважают и ждут, когда глава клана выскажется или сделает первый шаг. Тем более, что про мой функционал спрашивал только он. А потом Чернов протянул мне свой листок, и я всё поняла.

Сжав одну руку в рукопожатии, второй он передал свой вопрос. На сложенном пополам листе были выведены ровные строчки. Идеальными печатными буквами было написано: «Выздоровеет ли моя жена, Чернова Елизавета Андреевна?». Абзааааааац. И с этим надо работать!

Чтобы дать себе немного времени я встала со своего стула. Сначала обошла стол с противоположной стороны. Двинулась к финансисту. Миронова тоже вскочила. Точно так же вцепилась в мою руку и передала свёрнутый лист.

В полной тишине я процокала каблуками к Слонову. Тот сначала пожал мне руку своими двумя громадными лапами. А потом суетливо сунул в ладонь свой листик. Кстати, тоже сложенный.

Я прочитала все вопросы. Всё было очень личное. Всё очень острое. И всё отвратительно сформулировано. Получив ответ «да» или «нет» они ничего не узнают. Значит надо переписать.

– Коллеги, я поняла в чём ваши вопросы. Но вы не получите на них однозначных ответов в этой формулировке. Я предлагаю сейчас по одному уточнять вопросы. Потом я пойду к себе в кабинет и поработаю. И к завтрашнему утру у вас будут ответы. С кого начнём?

Все уставились на Чернова. Он кивнул головой, и остальные вышли из кабинета.

– Прежде чем мы изменим формулировку, Пётр, я спрошу о главном. Вы понимаете, что ответ может быть не тем, на который вы надеетесь?

– Да. – Он кашлянул чтобы прочистить горло. – Я понимаю.

– Вы понимаете, что я никак на этот ответ повлиять не могу. Я просто скажу, что почувствовала и всё? – Он выпрямился. – Да, я это прекрасно понимаю. Жена болеет больше года. Я уже вижу разницу между «терпеть и дожимать лечение» и «дать спокойно умереть». И я готов к любому повороту. Сейчас очень трудный период терапии. Мне надо понять, какую тактику выбрать. Просто поддерживать до конца и хоронить, или продолжать калечащие процедуры, но потом она выживет. – Чернов снова закашлялся. Мотнул головой и снова поднял глаза на меня. – Чтобы не мучить лишний раз.

Сколько ему лет? Точно меньше 40. Красивый, смуглый, мощный. Чем-то похожий на Барсова. И сильный. Мужчина, готовый подставить плечо. Быть рядом до любого из концов. Я им даже залюбовалась. Не внешней, внутренней красотой.

Это всколыхнуло во мне уважение к Чернову. Он не ищет в моих словах освобождения. Только определённости и всё. Мне кажется, что глаза у нас у обоих теперь были влажными. Да хватит уже!

– Пётр, вы готовы изменить формулировку? Тогда вперёд. Вы указали ФИО жены. Она у вас одна? Тогда это можно смело вычёркивать. Теперь давайте уточним, чем больна ваша супруга, в какие сроки и по каким признакам вы узнаете, что она выздоровела?

– У неё онкология.

Дальше Чернов без запинки цитировал диагнозы, осложнения. Перечислял этапы и методы лечения. Снова стал собранным и деловым. Но под этой бронёй компетентности билось чуткое сердце.

– Тогда пишите не про мифическое выздоровление. Люди постоянно болеют. Жена простынет и ответ будет отрицательным. А нам нужно понять, как она будет реагировать на лечение именно онкологического заболевания. Поэтому убирайте «выздоровление» и пишите «стойкая ремиссия».

Мы исправили слова, вставили показатели онкомаркеров. А ещё я пыталась придумать, как сформулировать так, чтобы вопрос относился к Чернову, а не к его жене. С ней-то у меня не было никакого контакта.

А чем ближе контакт с человеком, тем легче почувствовать ответ. Но я с женой Чернова не знакома. Был-бы с ней договор или какой-то другой документ. Договора с ней нет. Даже декларации о намереньях.

– Пётр, а есть какие-то документы? Выписка из стационара? Что-то с подписью жены?

Чернов задумался. Потом снова погрузился в планшет.

– Смотрите, есть выписной эпикриз, рецепт, направление, вот! Есть расписка, что Лиза получила справку о направлении на группу инвалидности. Вот! Распечатать?

– Да, печатайте всё, отдавайте документы и зовите следующего. Вопрос ваш у меня есть, справки распечатаете. Завтра сообщу ответ. Или раньше, если успею.

Он очень быстро пошёл к выходу. Но внезапно остановился, взявшись за ручку двери.

– Спасибо вам, Ульяна. Я очень буду ждать ответа.

– Несите документы.

– Вы мне не верите, да? – Он склонил голову на бок. Словно прислушивался ко мне. – Думаете, что я закачу истерику или буду вас обвинять если мне не понравится предсказание? Можете не отвечать. Я не прорицатель, но вижу, что вся эта идея с личными вопросами приводит вас в отчаянье. Вы, можете быть спокойны, Ульяна. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Я это отлично понял за последний год. И почему-то мне кажется, что вы это прекрасно понимаете. Так что не переживайте. Я буду благодарен за любой ответ.

И он покинул кабинет. Пока пришёл Слонов, пока уселся напротив меня на место Чернова, тот уже принёс пачку ксерокопий. И номер телефона написал на листе. Чтобы я могла сразу позвонить.

Слонов тоже теперь выглядел иначе. С него слетела напускная общительность. И осталось самое нутро. Коротко стриженные русые волосы теперь топорщились, делая его похожим на ежа.

Светлые, глаза были холодными. Больше серыми, чем голубыми. Но пронзительными до глубины души. Теперь я и правда была ему интересна. Не как женщина, а как явление. Как способ достижения его амбициозных целей. Этот точно целеустремлённый достигатор.

Почему-то мне показалось, что Слонов спросит про карьерный рост. Не знаю с чего это мне пришло в голову сначала. Но у него был совершенно другой вопрос. На листе Виталия было написано: «Смогу ли я зачать ребёнка своей жене?».

Тоже очень лично и очень остро. И ужасно болезненно. Для мужчины просто в самом центре эго. Этот разорвёт меня на британский флаг голыми руками, если ответ будет отрицательным. Сколько ему? 40? Больше?

Я даже не успела открыть рот. Слонов начал первым.

– Ульяна, мы совершенно незнакомы. У меня в семье сложная ситуация. Я доверяю сейчас вам очень личную проблему. И я не хочу, чтобы о ней шептались в тренажёрном зале. Поэтому прошу вас отнестись с пониманием и никому о ней не рассказывать.

Всё что он говорил было очень серьёзным и болезненным. А мне хотелось рассмеяться не сдерживаясь.

– Виталий, можете быть совершенно спокойны. Я не смогу раскрыть никому вашу тайну, даже если захочу. В этой компании я никого не знаю. Не предполагаю ни с кем знакомиться. Мне некому будет сообщать сплетни. В тренажёрный зал я никогда не хожу. Спорт и я с разных сторон реальности. Да и не в моих правилах распространять информацию. Я по другому профилю. Тихий интроверт в отдельном кабинете.

– Даже когда со всеми перезнакомитесь, не рассказывайте, пожалуйста. А в спортивный зал мы тут все ходим. Такая политика компании. И вас приобщат к физкультуре, не сомневайтесь. – Упорствовал Слонов.

– Я не перезнакомлюсь. Я интроверт. Буду сидеть в своём кабинете и контактировать только с курьером, приносящим документы. И то на уровне «положите туда, отойдите от стола».

Слонов засмеялся. У него было какое-то другое мнение. Но развивать его он не стал. Очень красноречиво перевёл взгляд на свою запись.

– Хорошо, Виталий, давайте разберёмся с вопросом. Жена у вас не первая?

– Вторая.

– Тогда давайте уточнять ФИО, чтобы не было погрешностей. Это раз. Второе, этот вопрос надо спокойно обдумать, без эмоций. Вам важен ребёнок с этой женщиной или именно от вас?

– Ульяна, что вы себе позволяете? Вы же даже не знаете Альбину! Она не будет мне изменять, чтобы родить ребёнка! – Если бы мог, он бы, наверное, вскочил с места. Топал ногами или даже стучал по столу. Настолько его возмутило моё недоверие.

Но сдержался. На шее вздулись вены. Лицо покраснело. При этом сидел за столом, как изваяние, не шелохнувшись. Даже руки сцепил в замок.

– Вы меня неправильно поняли. Дело в том, что есть много вариантов появления в семье детей. Я о них очень хорошо осведомлена. Обычно семьи проходят несколько этапов. Первый – зачать естественным путём. Потом переходят к ЭКО. Там яйцеклетку могут оплодотворить вашими сперматозоидами, а могут донорскими. Если и это не получается, рассматривают следующие варианты. В том числе и усыновление детей. И я спрашивала именно об этом. Вам в этом вопросе важен факт участия вашего сперматозоида в зачатии или наличие в семье ребёнка? Может быть и не родного по крови ни вам, ни вашей жене?

Слонов пошёл волнами. Покрывался пятнами и бледнел с невероятной скоростью. Мне даже страшно стало за его здоровье. Не со мной он должен был обсуждать этот вопрос, а со своей супругой. Но то ли время ещё не пришло для таких разговоров. То ли жена там молоденькая и никак не решится именно так ставить вопрос. А я, как всегда, лезу со своими циничными лапами в душу.

Думала, что его шарахнет гипертонический криз или истерика. Но Слонов меня порадовал. С неприятными эмоциями справился быстро. Здраво осмыслил варианты.

– Пожалуй, вы правы, Ульяна. Меня волнует не собственное отцовство, а ребёнок в нашей с Альбиной семье.

– Хорошо. Тогда давайте формулировать заново и более чётко. С ФИО супруги, сроками решения вопроса.

Слонов размашисто зафиксировал новый вопрос и передал мне. На листе крупными точёными буквами теперь был вопрос о ребёнке в семье. Значит и правда дорожит отношениями с женой. Интересно.

– Так подойдёт? – Он спрашивал и улыбался. Как будто уже получил свой положительный ответ. Или был уверен, что получит его от меня. Ох уж эти продавцы счастья. Увидел путь, остальное не важно.

– Подойдёт, если вы спрашиваете о любом ребёнке в вашей семье.

– Да, меня любой устроит.

– Хорошо. Я вас поняла. Зовите Миронову.

Слонов сорвался с места и выскочил из кабинета ещё до того, как я успела предупредить, что результаты могут быть сегодня. Но скорее всего, я сообщу их завтра. И телефон не оставил, торопыга.

Прошла минута. Потом ещё одна. Но Мироновой не было видно. Я ещё немного подождала. Уже собралась писать Луизе, чтобы звонила Елене, но тут в кабинете зашуршало.

Складывалось впечатление, что кто-то прижался к двери с другой стороны и трётся об неё всем телом. Или его волокут. Потом дверь приоткрылась совсем чуть-чуть. И в образовавшуюся щель боком втиснулась Миронова.

Она двигалась как-то неестественно. И как только развернулась ко мне лицом кто-то захлопнул дверь из коридора. Детский сад.

Миронова зыркнула исподлобья. Потом решительно выпрямилась. И топая как носорог прогрохотала на место Чернова. Плюхнулась безо всякого изящества на стул. Уставилась на лист передо мной.

Да уж. Это самый рациональный, приземлённый человек в компании? Тот, для кого не существует фантазий, только цифры? Видимо сильно её припекло.

– Елена, если вам сейчас неудобно, мы можем вернуться к формулировке в другое время.

Она снова зыркнула на меня недобро. Потом шумно выдохнула. Выпрямилась, сложила руки на груди. Вздёрнула подбородок.

– Давайте закончим с этим, Ульяна, и я вернусь к своим обязанностям. Что надо?

– В первую очередь, понять, чего вы хотите. Потому что на вопрос «Встречу ли я свою вторую половинку?» есть однозначный отрицательный ответ ещё до начала моей работы. Вы – целая, и другие люди тоже. И потом что такое встречу? Увижу в машине напротив? Буду сидеть рядом на совещании? Пройду мимо в аэропорту? Цель этой встречи какая?

– Я замуж хочу.

– А если, например, без штампа в паспорте, а жить вместе? Гражданский брак?

– Мне так не надо. Я хочу замуж.

– Хорошо. Тогда напишите вопрос про замужество. Конкретно, с датой.

Миронова замерла, потом решительно придвинула к себе чистый лист. И очень быстро написала новый вопрос. «Я выйду замуж за 730 дней считая с сегодняшнего числа?».

Осторожно протянула мне. И улыбнулась. Словно солнышком осветила. И стало как-то неважно ни её неухоженность, ни грубость движений. На меня во все глаза смотрела совсем молоденькая девчонка. Симпатичная и душевная.

– Так пойдёт? – И снова деревянный истукан, а не человек.

– Пойдёт. А почему именно 730 дней?

– Потому что два года это 365 умножить на два. Следующие года не високосные.

– Хорошо, я вас поняла, Елена. Вопрос забираю. Ответ дам сегодня или завтра.

Она кивнула, грузно поднялась и прошлёпала из кабинета. Я собрала вопросы, распечатки и отправилась на своё новое место работы. В новый кабинет с новым креслом.

Три ответа

Мой кабинет был уютным. Кроме установленной мебели я принесла вещи из дома. Красивые чашки. Обязательно две. Потому, что иногда руки не слушаются. А искать замену вне кабинета в состоянии, когда зуб на зуб не попадает, утомительно. Да и людей вокруг можно напугать серьёзно.

А ещё электрическое одеяло. И плед, потому что мне холодно всё время. И никакие обогреватели не спасают. На самом деле и они не сильно помогают. Но хотя бы облегчают страдания.

А ещё подушку для удобства. Потому что без неё улечься с комфортом даже на дорогом диване не получается. По крайней мере, у меня.

Цветок, потому что. Чтобы был. Нравится он мне. Бестолковый такой циперус. Такая пушистая осока похожая на миниатюрную пальму, торчащую из прозрачного горшка во все стороны.

Сначала я его взяла на работу, чтобы цветок не съела бабушкина кошка. А потом привкла. Уже давно жила отдельно, но традиция перевозить на новую работу циперус выполнялась неукоснительно.

Цветок на тонких длинных стеблях развесил зонтики листиков. Смотрится хрупко, но очень стойкое растение. Выдержало миллион переездов. И, надеюсь, ещё не раз поменяет вместе со мной офис и работодателя. Хотя ещё у этого надо отработать обещанный год.

А ещё я привезла с собой спортивный трикотажный костюм. Тоже брендовый. В нём было удобно сидеть, сжавшись в комочек на диване. Укутаться пледом в кресле-груше или даже за рабочим столом.

Всё равно меня тут никто не увидит. В мой кабинет никто и никогда не приходит. Только курьер один раз в день. Забрать одни документы и принести другие. И происходит это чаще в то время, когда меня нет на работе.

Форма одежды в договоре не прописана. Значит мой кабинет – мои правила. Вернее, мой спортивный костюм. В который я с удовольствием переоделась и уселась за стол. Получилась сидячая спортсменка.

Если бы проводили чемпионат мира по сидению, я точно бы выиграла. Я могу сидеть вечно. Иногда даже без движения. И пересидеть любого. Особенно после работы. Вот её-то и надо начинать выполнять прямо сейчас. А не хочется. Так всегда. Никто не горит желанием себя мучить. Вот и я не торопилась.

Три сотрудника. Три вопроса, рвущих их души на клочки. С какого начать? С самого лёгкого. И это, разумеется, Миронова. Там ещё ничего нет. Ни человека, ни отношений, ни эмоций. Только предчувствие. Оно не помешает.

Налила себе чая в разноцветную кружку. Положила листок с вопросом перед собой. Вспомнила финансиста. Взрослую улыбающуюся девочку с собранными в низкий хвост волосами. С лёгкой улыбкой и тяжёлой походкой. И задала вопрос.

Рефлекторно задержала дыхание и легко, почти без усилий, скользнула в нечеловеческий холод. Именно это состояние я называла про себя Вечной мерзлотой. Потому что она была беспощадной и существовала всегда. Как сама жизнь. А я навещала её только изредка.

Свет тоже постепенно тускнел. словно сейчас был не ясный весенний полдень, а вечер поздней осени. Причём накануне дождя или первого снегопада. Но ещё до того, как наступила беспроекторная ночь, мои руки пронзила нестерпимая боль в ладонях.

Я стиснула сильнее зубы. Сначала ладони пронзили иглы. Потом они стали захватывать не только кисти. Поползли по рукам вверх опалив их, как жар раскалённого мангала на даче.

Я резко оторвала руки от листа с вопросом и схватила чашку с чаем. В кабинете моментально стало тепло и светло. И на душе тоже. Даже весело. Выйдешь ты, Лена Миронова, замуж. И будет у тебя белое платье и фата, взрослая девочка.

И тут же в ладонь снова кольнуло. Теперь уже холодной иголкой. А перед глазами встала совсем другая картинка. Ожерелья из тропических цветов на ветру. Океанское побережье. Мелкий белый песок, экзотические птицы, пальмы нескольких сортов.

И Лена Миронова в бежевом лёгком платье. С летящей юбкой и пышными прозрачными рукавами. А в распущенных волнистых волосах белые цветы. Никакой фаты. И белого одеяния невесты тоже не было.

Я это видела так чётко, словно стояла с ней рядом. Различала прожилки в цветах и складки на подоле. Любовалась её солнечной улыбкой. Хотя уже убрала руки от листа с вопросом. Но поймала картинку будущего безо всякого контакта. И это было ужасно!

Я потеряла контроль за отлаженной системой простых вопросов и коротких ответов. Погрузилась в полноценное предвиденье. И оно беспрепятственно жрало мои силы. Чтобы хоть как-то облегчить своё состояние, срочно погасила экран перед глазами.

Ох, не нравится мне это всё! Не нравится! Начинать в компании с таких тяжёлых личных вопросов морально невыносимо. Но и в этот раз был шанс, хотя бы свести всё это к формату простых ответов: да или нет. А тут прорвались картинки будущего, океан и Миронова с цветами в волосах. Аж заledenело всё внутри. Давно я так не срывалась. Думала, что контролирую себя. Работаю только в режиме да-нет. И тут такой прокол!

Голова кружилась. Перед глазами расплывались радужные круги. А внутри, словно осколок зеркала Снежной королевы застыл холод. Я пила горячий чай и не могла согреться. Сильно потратилась. Надо бы полежать, отдохнуть. Хотя бы до конца дня. Но не получится. Новое место, новый работодатель. Надо давать результат.

Кое-как растёрла пальцы. Походила по кабинету. Налила ещё чая. Пока пила следующую кружку почувствовала себя лучше. Значит надо продолжать. На этот раз выбрала вопрос Слонова. Ребёнок в семье. Сложный момент. Особенно для мужчины. И жена вторая. Так! Надо отбросить рассуждения и ответить на вопрос.

Опустила пальцы на лист с вопросом, как на клавиши рояля. С размаха. И чётко продиктовала себе слова, написанные Слоновым. На этот раз безрезультатно. Снова повторила вопрос про ребёнка. И снова ничего. И так раз 5, наверное.

Я уже решила сделать перерыв. Потянула руки вверх и тут их обдало кипятком. Свет померк, а меня пронзил холод вечной мерзлоты. Он словно пронизывал меня насквозь от макушки до пяток. Нанизывал на ледяной столб. А руки продолжали вариться в кипящем масле.

Боль была невыносимой. Я не кричала только потому, что перехватило горло. Это было так неожиданно, что я растерялась. Билась пытаюсь сбросить с себя ледяную удавку. Старалась прекратить контакт с листом бумаги. И не могла!

Перед глазами проплывали яркие картинки. Сначала Слонов прижимал к себе тоненькую девушку с пушистыми волосами ниже лопаток. Утирал ей слёзы. А мимо по коридору ходили люди в медицинской одежде.

Потом он трясущимися руками брал тугой свёрток с розовым бантом на ступеньках какого-то белоснежного здания с колоннами. Кружевной уголок скрывал лицо малышки. А сияющую спутницу не скрывал. Только на этой картинке её волосы были короче. И она стала ещё пушистее.

Я изо всех сил пыталась выбраться из водоворота чужой судьбы. Вырваться из ледяного кокона, в который погрузилась со своими горящими руками уже полностью. Вдохнуть полной грудью.

Изо всех сил навалилась вперёд и смогла оттолкнуть вопрос Слонова от себя. Хотя в последний момент меня успело окатить ледяным потоком следующей картины жизни его семьи.

В коротеньком отрывке я увидела маленькую девочку около трёх лет. Она встала на нижнюю ось детской коляски, чтобы заглянуть внутрь. Коляска накренилась и упала бы на бок, придавив ребёнка. Но Слонов предотвратил катастрофу.

Он подхватил девочку и что-то ей грозно высказывал, пока не прибежала его пушистая спутница. Теперь у неё была короткая стрижка, делавшая её похожей на одуванчик.

Когда изображение погасло, я рухнула лицом на свои руки, почти потеряв сознание. Меня била дрожь. Слёзы лились ручьём. Но даже вытереть их не было сил.

Сколько времени я так пролежала на столе – не знаю. Но когда пришла в себя стучала зубами от холода. Дотянулась до вопросов Мироновой и Слонова. Взяла красный маркер и написала на них «да».

А потом укуталась в плед вместе с кружкой чая и долго отогревалась. Съежилась на диване в комочек. Уставилась в одну точку. Кажется, что даже не моргала.

Мне казалось, что прошло минут 20. Но взглянув на часы, я увидела неутешительные 17:31. Рабочий день подходил к концу. Значит, как бы ни было тяжело, надо доделывать запланированное на сегодня. А там самый сложный вопрос Чернова. И это было тяжело.

Сегодня вместо обычных консультаций с закрытыми вопросами я заглядывала в будущее по полной программе. Потратила кучу сил. И даже не знала, сумею ли их быстро восстановить. И это в первый рабочий день! Ну, почему?

И теперь, когда я устала, как после разгрузки вагона чугуна надо ответить на последний вопрос. Самый сложный. Жизнь или смерть? Да или нет? Это всегда больно. А уж сегодня после полного двойного погружения в вечную мерзлоту, и подавно. Но – надо!

Я встала с дивана. К столу шла шатаясь. Сил уже совсем не было. Посмотрела на кресло и поняла, что не хочу туда садиться. Подхватила распечатки Чернова. Посмотрела вокруг и пошла к креслу-груше.

Взбила его, как перину. Придвинула к стене. Устроилась в положении полулёжа. В ушах звенело от усталости. В таком состоянии опасно работать. Очень. И надо тоже очень. Поэтому я постаралась полностью расслабиться. Решила что спрошу, быстро получу однозначный ответ и закончу. Ксерокопии положила на колени. Приготовилась.

Настроилась, прижала ладони к распечаткам. Чётко произнесла про себя вопрос Чёрнова. И спустя секунду провалилась в вечную мерзлоту. Тьма окружала меня со всех сторон. В ней не было ни единого просвета.

Нечеловеческий холод заполнил каждую клеточку тела. Руки словно примёрзли к ксерокопиям документов. Я больше не погружалась в вечную мерзлоту. Я стала ею. Утонула в омуте безысходности.

И на его ледяной поверхности проносились картинки жизни Чернова. Сначала он медленно шёл с очень бледной, почти прозрачной женщиной в разноцветном спортивном костюме и забавной шапочке. Что-то шептал ей на ухо. Бережно придерживал за локоть. Смахивал жёлтые листья с плеча.

Потом она лежала на какой-то странной кровати с поджатыми к груди коленями. В голубой, под цвет глаз бандане. А он читал ей книгу. Иногда останавливался и они оба смеялись.

На следующей картинке он стоял рядом с огромным портретом улыбающейся красавицы. В ней с трудом можно было узнать спутницу Чернова. В зал вбежали две девочки и со слезами кинулись в его объятия.

Одна картинка сменялась другой, а я никак не могла оторвать руки от документов. Ноги свело судорогой, и они согнулись, прижав руки вместе с бумагами к груди.

Я оказалась в западне собственного тела. Теперь разорвать контакт с бумагами не было никакой возможности. Сначала я испугалась, а потом смирилась, поняв, что буду смотреть этот фильм бесконечно. Пока не погаснет свет.

Стала просто ждать, когда потеряю сознание. Это автоматически выталкивало меня из вечной мерзлоты. Перед этим вычерпывая мои силы до дна. Опустошая, как ловцы жемчуга раковины. И это должно было стать спасением.

Боль была нестерпимой. Она не давала вдохнуть и терзала каждую клеточку тела. Вымывала неземным холодом. Я ждала потери сознания, как освобождения от мучений.

Когда Чернов оказался вместе с девочками на краю запорошенной снегом могилы меня уже трясло крупной дрожью без остановки. Суставы ломило, как после обморожения. Теперь я могла потерять сознание и от бессилия, и от боли. От чего быстрее?

Но узнать этого мне не удалось. Моё тело дёрнулось вверх. Из рук выпали ксерокопии документов. Контакт с ними был прерван. Но вместо того, чтобы вернуться в реальность, я потеряла сознание. Видимо силы закончились окончательно. Черноту Вечной мерзлоты сменила темнота спасительного беспометства. Это стало долгожданным освобождением. Наконец-то.

Спасение из Вечной мерзлоты

Когда я в следующий раз открыла глаза было уже темно. Не Вечная мерзлота. Просто ночь. За окном горели фонари. Их света вполне хватало, чтобы разглядеть мой новый кабинет. Светлые стены, цветок на столе. Рядом с ним кружка с термосом и стопка листов.

Теперь я лежала на диване. Удобно устроилась на подушке. Мне было вполне комфортно. Только плед свесился на пол. Перегнулась через край, чтобы подобрать одеяло наверх и замерла. То, что я увидела на полу меня повергло в шок.

Передо мной красовались две ровные мужские ноги. В спортивных брюках и кроссовках. Разумеется, не сами по себе. Они были частью спящего в кресле-груше человека.

Сначала я никак не могла понять кто он. Но когда мужчина повернул во сне голову я разглядела ровные брови, чёткий профиль и чувственные губы моего работодателя.

От неожиданности я вскрикнула, и он распахнул глаза. Моментально оказался у изголовья. Щёлкнул выключателем торшера. Как любящая мать прикоснулся ладонью колбу. Обеспокоенно заглянул в глаза.

– Владислав Георгиевич, что вы тут делаете? – Спросила я почему-то шёпотом.

– Вас караулю, Ульяна. – Так же шёпотом ответил он.

– А зачем? Я никуда не убегу. Я договор с вами подписала.

Он замер, удивлённо распахнув глаза. Потом упёр руки в край дивана и рассмеялся приятным рокошующим смехом. В глазах появились искорки.

– Да я не об этом беспокоился. Вы не то, что бежать, вы и лежать-то толком не могли. Бились в судорогах, как припадочная. Я уже собирался врача вызывать. Хорошо Толя успокоил. Объяснил, что вас надо согреть и дать выспаться. И чай приготовить к пробуждению. Что с вами случилось? Почему вас так скрючило?

Всё это он уже говорил, наливая мне чай из термоса. Свой я выпила полностью. Значит Барсов заварил новый. И судя по аромату именно тот, который я люблю.

– На самом деле вы видели обычный сеанс прорицания будущего. Моё замерзание и судороги – нормальный ход ясновидения.

– Как вы себя чувствуете сейчас? – Барсов помог мне усесться на диване, подоткнул плед. Сел рядом и протянул кружку с чаем. Но сразу не отдал. Удостоверился, что держу крепко.

– Спасибо. Удивительно, но вполне прилично. Жаль, конечно, что вам пришлось это наблюдать. Простите, пожалуйста. Впредь буду умнее. Закроюсь на замок и избавлю вас от этого шокирующего зрелища.

– Да не в этом дело. – Он разочарованно изогнул свои точёные губы. – Вы же прорицали в моём кабинете. Там всё прошло как-то мягче. Не говорю, что совсем безболезненно. Но терпимо. А сегодня вы потеряли сознание! Я даже не знаю, чем бы дело кончилось, если бы я не вошёл! – Барсов держал себя в руках, но было видно, что инцидент его взволновал.

– Вы не поверите. Я бы так же потеряла сознание и очнулась в кресле груше. Ходила бы сейчас с радикулитной болью и кряхтела, как старушка. В остальном всё было бы так же.

– Не увливайтесь, Ульяна. В чём разница этих сеансов?

Он смотрел внимательно. Пытливо скользил взглядом по моему лицу. По рукам с чашкой чая. И не напоминал миллиардера. А я не была похожа на подчинённую. Сейчас мы смотрелись, как семейная пара перед сном. Горел торшер. По комнате разливался аромат любимого чая. Моё плечо прижималось к крепкому мужскому телу.

И всё это было для меня несбыточной мечтой. Сказкой. Я знала, что всего этого была лишена навсегда. Ни разу мне не доводилось сидеть с мужчиной на кухне. А уж уединённо на одном диване и подавно.

И я совершенно оказалась не готова к чувствам, которые вызывала эта обстановка. Нет, мне не хотелось на него наброситься с поцелуями или затащить в постель. А вот открыться, разделить груз бремена жизни прорицательницы – очень.

Это было совершенно неожиданно. Ни с кем из работодателей я не откровенничала. А Барсову хотелось рассказать всё. Совсем всё. И чтобы понял. Поддержал. И я не утерпела.

– Помните, я говорила, что я консультирую сейчас только вопросы, на которые возможен только ответ «да» или «нет»?

– Конечно. Как я понимаю, коллеги написали именно такие вопросы?

– Совершенно верно. Но они были очень личными. Переполненными эмоциями. Да и контакт с ними был тесный. Не на расстоянии вытянутой рук, а кожей к коже. И я не удержалась. Свалилась не в точечный приём информации, а в полноценное ясновиденье будущего. Это как просмотр фильма действительности, которой только предстоит наступить. Кадры могут прерываться или идти сплошным потоком. Захватывать многие годы или один эпизод. При этом я промерзаю изнутри и теряю очень много сил. Даже за одну минуту сеанса.

– Это самоубийство.

– Да. Поэтому я перестала консультировать личные ситуации и прорицать по развёрнутым вопросам. Ушла в бизнес. Проценты, ярды, коэффициенты, можно узнавать в режиме да-нет. Личные вопросы наваливались на меня всей тяжестью жизни клиента.

– Простите, я не знал, что есть разница. Даже в голову не пришло спросить об этом. – Барсов успокаивающе погладил меня по руке.

– Ничего. Я теперь лучше это переношу. Вот лет 10 назад могла проплакать после консультации целую неделю.

– Сколько вам тогда было?

– Около 17.

– А с какого возраста вы консультируете?

– За деньги или вообще?

– Оба варианта.

– Начала лет с 10, наверное. Но тогда это было вообще ужасно. Потому что задавали вопросы близкие люди. А как жить, зная, что сестра заболит или умрёт бабушка? – Я несколько раз глубоко вдохнула и медленно выдохнула, чтобы успокоиться. – Мама запретила мне отвечать на вопросы. Но я не всегда могла предотвратить проваливание в Вечную мерзлоту.

– Вечную мерзлоту?

– Я так называю нечеловеческий холод и темноту, в которые погружаюсь во время прорицания.

– Понял. А за деньги когда начали консультировать?

– Вот в 17 и начала. Умерла мама, а на бабушкину пенсию было тяжело прожить.

– Папа не помогал?

– Он умер ещё раньше. Я написала объявления и стала принимать клиентов на бабушкиной кухне. Но мне это очень тяжело давалось. Поэтому придумала блицы в режиме да-нет. Это было проще.

– А как стали консультировать бизнес?

– Да так же. Пришёл предприниматель. Я ему ответила на несколько вопросов. Он вернулся на следующий день и спросил, сколько будет стоить моя неделя? Неделя превратилась в месяц, а тот в квартал.

– А почему перестали с ним сотрудничать?

А хороший вопрос. Прямо в суть происходящего. В основу моей жизни. Стоит ли откровенничать? Не обернётся ли это крахом надежд или потерей высокооплачиваемой работы? Об этом совершенно не хотелось думать.

От плеча Барсова было тепло. Я пила чай, но чувствовала себя так, словно после бокала шампанского: легко и радостно. А ещё безопасно. Как будто он мог меня защитить. Но... Из отработанных годами осторожности озвучила только одну причину. Её бизнесмены воспринимали вполне адекватно.

– Я увидела, что предприниматель может потерять бизнес, если продолжит опираться на меня.

– Почему?

– Остальные сотрудники теряли квалификацию. Зачем напрягаться, если я дам ответ? И постепенно мощный коллектив стал сборищем лентяев. Поэтому я стала сразу оговаривать конечность своей помощи. Перестала консультировать сотрудников и переключилась на документы. Вот вы сразу знаете, что я здесь временно. Поэтому будете дорожить своими подчинёнными, сохранять коллектив.

– Я и так буду сохранять. У нас подобралась отличная команда. Я выпал на полгода из бизнеса. Вернулся, а всё в порядке. Моя тройка вывезла с прекрасными показателями и без моего всевидящего ока.

Мы помолчали. Каждый о своём. Но очень личном. В полумраке кабинета было ощущение, что мы сидим дома. И не чужие друг другу люди. Друзья? Может даже пара.

И у каждого было в этом разговоре что-то важное, тёплое. Без чего незачем жить. И я почувствовала настоящий соблазн. Почти наркотическую тягу к любви.

Но я проживу без неё. Потому что всё это для меня невозможная роскошь. За которую я заплачу слишком высокую цену. А значит, надо забыть, и жить дальше.

Хорошо, наверное, найти свою пару. Прожить с любимым человеком всю жизнь. Родить и вырастить с ним детей. Ходить осенью за грибами. Или ездить летом на море, а зимой кататься на лыжах. Хотя, какая из меня лыжница? Скорее саночница. А лучше смотрельщица на горнолыжный склон из окна.

Да и не буду я менять свой талант, свои уникальные способности, на призрачную возможность выйти замуж. Это для таких, как Миронова платье, цветы, марш Мендельсона.

А для меня работа и одинокая, но очень комфортная жизнь. Поездки на курорты, красивая одежда. Очень уютная квартира в центре Москвы. Походы на любые театральные постановки, в любые рестораны.

И всё это при обязательном условии жить в одиночестве. Ни с кем не встречаться. Ни кому не привязываться. Не целоваться и не ложиться в постель. Никогда. Ни одного раза.

А значит, надо вовремя проводить профилактику. И сейчас – переставать мечтать и жаться к плечу работодателя. Помог – спасибо. Дальше я сама. Одна. Без ансамбля. И это надо делать быстро и без колебаний.

Словно услышав мои мысли Барсов поправил плед на моих плечах. Но непослушная ткань снова соскользнула вниз. Тогда он придержал угол пледа положив мне руку на плечо. А вот это уже слишком!

Я решительно отстранилась от крепкого плеча Барсова. Искренне поблагодарила за помощь. И попросила разрешить переночевать в кабинете.

Его моя внезапная отстранённость удивила. Он хмурился пока я лепетала слова благодарности. Сдвинул нижнюю челюсть вбок, словно сомневаясь в моей адекватности. Но вслух свои мысли не высказывал.

Просто смотрел, как я торопливо выбиралась из пледа. Металась по кабинету. То искала обувь, то бежала поставить кружку на стол, чтобы натягивать эту самую обувь двумя руками.

Против ночёвки в офисе возражать не стал. Объяснил, что на этаже с фитнес залом есть прекрасные душевые с чистыми полотенцами и гигиеническими одноразовыми наборами. Фены тоже есть. И расчёски. И вообще всё, что нужно – в специальных шкафчиках.

Потом не спеша встал с дивана. Ещё раз спросил, не нужна ли мне какая-то помощь. А получив отрицательный ответ сообщил, что будет ночевать в своём кабинете. Вход туда через одну дверь налево. Если понадобится помощь, я могу позвонить или постучать.

А ещё, что я здесь в полной безопасности, и могу не переживать. Получить всю необходимую помощь, что бы меня ни напугало.

– Да я ничего не боюсь, Владислав Георгиевич.

– Называйте просто Владислав. И могу с вами поспорить. Вы сейчас чего-то испугались и торопитесь меня отсюда выставить.

– Вовсе нет.

Барсов спорить не стал. Просто кивнул головой в сторону моих ног. Я проследила за его взглядом и рассмеялась. Мои мокасины на ногах были перепутаны местами. Да уж. Не торопилась девчонка. Обувалась в полной уверенности и спокойствии.

Он тоже улыбнулся. Придержал меня за руку, чтобы я не упала переобуваясь. А когда выпрямилась, ещё раз критично осмотрел мой внешний вид. Не найдя к чему придраться, пожелал спокойной ночи и ушёл к себе.

А я заперла кабинет, переставила утренний будильник и снова юркнула на диван. Укрылась пледом и уснула до утра.

Утреннее пробуждение на работе

До утра смотрела романтические сны в исполнении нового начальника. В общем, не выпалась. И в душ плелась безо всякого оптимизма. Но вода сделала своё дело, и к новому рабочему дню я смогла прийти в себя.

Луиза выдала мне пачку конвертов размера А4 разной толщины. На каждом был написан вопрос. А ещё коробку с китайской лапшой. Барсов узнал у Москвитина мои пристрастия и обеспечил завтрак. После сегодняшней ночи меня это больше смутило, чем обрадовало.

Я поблагодарила секретаря и попросила переслать Слонову и Мироновой мой ответ «Да». А ещё поблагодарить руководителя за завтрак. Сама писать не решилась. Но это было не самым сложным. Со вчерашнего дня у меня на душе тяжким грузом лежало видение будущего семьи Чернова. Он оставил мне свой личный телефон для связи. Но, по понятным причинам, я не хотела звонить.

Да и как сообщить человеку по телефону, что его жена умрёт? Или может в смс? Всё это было очень тягостно и неотвратимо. Поэтому я написала сообщение: «Здравствуйте, Пётр. У меня есть для вас информация. Если это возможно, сообщу лично. Если достаточно короткого ответа, напишу смс. Как вам удобно?».

Я не успела положить телефон на столешницу, как он ожил входящим сообщением: «Буду у вас через минуту. Уже на этаже». Вот и всё. Надо сказать ему в лицо ужасную правду. А к этому подготовиться невозможно ни за минуту, ни за месяц.

В кабинете небольшой выбор мебели. Кресла отпали сразу. Почему-то сесть напротив было неловко. Поэтому я кивнула вошедшему Чернову на диван, устроилась рядом полубоком.

– У меня есть ответ на ваш вопрос, Пётр, и несколько фрагментов будущего. Что вам рассказать?

– Сначала коротко.

– В сеансе получен чёткий отрицательный ответ. – Он молча сильно сжал челюсти. Не шелохнулся. – Стойкой ремиссии, к сожалению, вашей жене достичь не удастся.

– Я вас услышал. Расскажите, пожалуйста, что вы увидели ещё. Вы же ещё что-то увидели, правильно?

– Да. Вы к этому готовы?

– Готов.

– Тогда по порядку. Сначала я увидела вас с невысокой худенькой девушкой на улице. В парке или в лесу. Она была одета в пятнистый спортивный костюм. Розово-фиолетово-малиновый. На голове у неё была лиловая шапочка с ушками и острым хвостом, как у колпака, только он лежал на плече. Вы вели её под локоть и смахивали с плеча осенние листья. Мелкие и зубчатые. Похожие на рябину, наверное. Мне их не удалось рассмотреть детально.

Я внимательно вглядывалась в Чернова. Чтобы вовремя прекратить неприятный разговор. Не мучить ни одной лишней секунды. А он, к моему удивлению, улыбнулся. Хотя в глазах стало влажно.

– Я понял, где вы увидели нас с Лизой. Это недалеко от нашего дома. Там дальше по дорожке прудик с утками. Лиза любит их подкармливать. Продолжайте, Ульяна, не беспокойтесь.

– Хорошо. Следующее видение было в помещении. Светлые стены. Почти в углу картина крупными мазками. Абстрактная. Под ней какая-то бугристая мебель под кремовым покрывалом. Может быть из блоков, я такую не знаю.

– Это кровать-трансформер. Её можно выгибать как угодно.

– Наверное. Потому что ваша супруга на ней сидит в позе эмбриона и ноги упираются в возвышающийся из горизонтальной поверхности выступ.

– Точно, ей в этой позе не так больно сидеть. – Чернов кивал головой с улыбкой. Странно это всё. Неестественно как-то.

– Ещё я видела, что вы читали ей книжку и смеялись.

Чернов продолжал улыбаться. Это теперь уже даже пугало. Я была готова успокаивать. Всё-таки жена умирает. А вот к радости готова не была. Может он не понимает? Может это шок?

– Пётр, я ещё раз повторю. Ремиссия достигнута не будет. Это приведёт к смерти вашей супруги. Вы меня понимаете?

– Да-да, конечно, понимаю. А вы можете описать книгу, которую я держу в руках?

– Попробую. Но я не очень хорошо её рассмотрела. Квадратной формы. Достаточно большая. Может быть сантиметров 30. Толщиной около сантиметра. Со вшитой закладкой. На конце что-то плоское и блестящее. Но толще фольги. С фотографиями и текстом вперемешку.

– Отлично! Не думайте, что я сошёл с ума. Просто расскажите до конца что видели. Пожалуйста. Я потом объясню свою радость.

Он и правда был доволен. И каждое моё слово только добавляла ему оптимизма.

– Третья картинка, скорее всего, похороны. Вы стоите в чёрном костюме возле огромного портрета супруги. Поправляете цветы возле него. Напротив – низкая металлическая конструкция. На такие, наверное, устанавливают гроб, но его я не видела. Вбегают две девочки в чёрной одежде. По возрасту младшая школа, наверное. Они плачут и бросаются к вам. Вы их обнимаете. Всё.

– Ульяна, скажите, пожалуйста, а какое это время года?

– Не знаю даже. Картинка не на улице, поэтому я не вижу растений. Но это точно холодный период. Девочки в тёплых платьях. На вас шерстяной плотный костюм. Но по нашей погоде это может быть и зима, и октябрь, и апрель. Поэтому я не могу ответить точно. А в следующем фрагменте я видела могилу, припорошенную снегом. Но один ли это день или разные месяцы, у меня ответа нет.

Чернов задумчиво опустил голову. Постучал пальцами по колену, а потом резко поднял взгляд на меня.

– А какая причёска у старшей девочки?

– Причёска? В смысле волос на голове? Я не разбираюсь в них.

– Длина какая?

– Короткая. Стрижка похожа на каре или боб. Точнее не скажу, потому что волосы убраны чёрным ободком.

– Отлично!

Пётр аж подскочил на диване от радости. Он точно сошёл с ума. Обрадовался, узнав, что я видела могилу его жены. Это немыслимо.

Что советуют в общении с психически больными? Со всем соглашаться и держаться подальше. Я медленно встала с дивана. И улыбаясь двинулась в сторону двери. Он вскочил следом, но покидать кабинет не собирался. Крепко схватил меня за локоть не давая выйти из комнаты.

– Вы не подумайте плохого. Я очень люблю Лизу. У нас дружная семья. Но сейчас у неё значительное ухудшение состояния. Она в клинике. Ей капают новое экспериментальное лекарство, и она не встаёт с постели. Прогноз очень серьёзный даже на ближайшую неделю жизни. Но! На дворе сейчас конец апреля. Вы видели на её плече осенние листья. А это здорово по многим причинам. Лиза доживёт до осени, она увидит, как младшая дочка пойдёт в первый класс. А ещё, она будет самостоятельно передвигаться в это время, понимаете, Ульяна? На своих ногах! – Он почти подпрыгивал от восторга. Глаза сверкали, лицо горело румянцем.

Теперь радость была объяснимой в этом воспоминании. Но что хорошего в следующем?

– Ульяна, вы, наверное, думаете, что у меня поехала крыша или я плохой муж. Но те кровать и картина, которые вы увидели во втором фрагменте, тоже для меня большая радость.

– Почему?

– Лизу отпустят домой. Она будет с нами жить какое-то время. В общем доме. Для нас это очень важно. – Он вздохнул и продолжил уже грустно. – Мы скучаем. Особенно дочери. Каждый вечер они спрашивают, когда мама вернётся. Иногда жалуются, что хотят поцеловать Лизу на ночь, а её всё время нет. А что я могу сделать? Разумеется, стараюсь успокаивать, но девочкам тяжело.

Он немного помолчал. Сначала часто моргал глазами, потом резко дёрнул головой в сторону и провёл ладонью по совершенно лысой голове. Словно хотел взъерошить волосы, которых там не было. Постоял несколько секунд, а потом снова посмотрел на меня с улыбкой.

– Ульяна, книга, которую вы описали, будет выпущена к нашему юбилею, 10-летию совместной жизни. Мы оба написали интересные эпизоды. Воспоминания родственников тоже сейчас собираем. А книгу напечатаем к 30 декабря. В этот день у нас годовщина. Значит Лиза доживёт почти до нового года. Понимаете? С апреля до конца декабря!

Он реально был счастлив. Если бы мог, наверное, кружил бы меня по комнате. Или даже подбросил к потолку от избытка чувств. Но он только развернул меня к себе лицом. Держал теперь за оба локтя.

– И самое важное – последняя картинка. Старшая дочка очень против отращивания волос. Мы уже уговаривали, показывали длинноволосых красавиц. Стали фанатами Рапунцель и Василисы-красы длинной косы. Но Аня без остановки требовала обрезать волосы. Мы пообещали, что сводим её к парикмахеру на день рождения 28 февраля. В вашем видении, или как там это правильно называется, Аня с короткой стрижкой. Вы понимаете, что это значит?

– Что ваша супруга доживёт до 28 февраля.

– Это ещё целых 10 месяцев, представляете, Ульяна! Это просто здорово!

Он схватил меня в охапку, с силой прижал к себе. Оторвал от пола и закружил. А потом поставил на пол и обняв своими мощными ручищами звонко поцеловал в щёку.

Я была настолько потрясена внезапным напором, что не могла вымолвить ни слова. А когда он меня поставил на пол, больше переживала от головокружения, чем от поцелуя.

– Что всё это значит? Чернов! Смирнова! Что вы устроили на рабочем месте, я вас спрашиваю?

Барсов не кричал. Но его рокот пробирал до мозга костей. Почему-то мне стало ещё хуже. Головокружение усилилось и колени подогнулись. Я начала соскальзывать на пол.

Чернов вовремя меня подхватил. Сильнее прижал к себе. Это замедлило падение. Но в его руках оставалось худи, а я продолжала скользить вниз, бесстыдно оголяя живот.

– Ты что? За новенькой решил приударить? С ума сошёл? Не ожидал от тебя!

– Да она на ногах не держится!

– Перестань её тискать!

– Она падает! Отпущу – хлопнется на пол!

Моё тело теперь в буквальном смысле тянули в разные стороны. Но в какой-то момент Барсов понял, что на ногах я действительно не стою. Замер и тут же рыкнул. – Быстро на диван!

Меня уложили горизонтально. Натянули худи чуть ли не до колен. Подняли ноги на стену. А потом Барсов набрал в рот холодной воды из чайника и с силой фыркнул мне в лицо.

Бабушка в детстве так мочила бельё. Теперь и я промокла основательно. Лицо, волосы, ворот худи. Но головокружение волшебным образом прекратилось, и я широко распахнула глаза.

– О! Оживела, колдунья? Производственника моего окрутила в два счёта. Оставить нельзя ни на минуту! – Барсов смотрел настороженно, с вполне читаемой обидой. Уселся на диван рядом не просто чтобы сидеть. А чтобы отсечь от меня Чернова.

Но тот не растерялся. Обошёл с другой стороны и встал рядом с моей головой.

– Владислав, вы неправильно нас поняли.

– Уже нас? Быстро вы.

– Меня. Ульяна говорит, что Лиза ещё поживёт. Анин день рожденья в феврале мы отметим всей семьёй!

Барсов замер. Кашлянул. Встал в полный рост и обнял Чернова.

– Прости. Я бы её тоже расцеловал. – И снова кашлянул. – Отличные новости! Рад за вашу семью. За всех нас рад.

Он хлопнул Чернова по плечу. Мужчины снова коротко обнялись. Чернов торопливо попрощался и вышел из кабинета. Я тоже постаралась встать. Но Барсов мне даже ноги со стены опустить не дал.

– Лежите и не дёргайтесь. Что же с вами так сложно-то?

Он закусил губу и взъерошил волосы. Снова уселся на диван. Прижал своим плечом мои ноги, чтобы я не опустила их вниз.

– Со мной просто. Дайте мне встать, и я пойду работать.

– Доработались уже. Лежите и не дёргайтесь. Что вообще происходит? Только я отвернусь, с вами уже беда. Вчера в обморок упали, сегодня с моим заместителем целовались.

– Я не целовалась.

– А кто? Я что ли? – Глаза Барсова метали молнии.

– Это он меня поцеловал от радости. – Я пыталась опустить ноги и встать. Но Барсов вцепился в них руками и удерживал меня лёжа. Сильный чертяка.

– Никакой разницы.

– Разница существенная, Владислав. Представьте себе, что Чернов поцеловал вас. А я бы сказала, что ВЫ целовались. Представили? Теперь понимаете разницу?

Барсов нахмурился, качнул головой. А потом сморщился и рассмеялся. Сначала сдержанно. А потом искренне, заливисто. Наверное, живо представил их поцелуи.

– Я понял, Ульяна. Простите за претензии.

– Если недоразумение решено, отпустите меня, пожалуйста. Я приступлю к работе, за которую вы мне, между прочим, платите.

– Вот и позвольте мне самому решать, как использовать свои трудовые ресурсы. Сейчас полежите, придёте в себя. Через час напишите мне смс как себя чувствуете. Только не геройствуйте. Отдохните. Присылайте мне каждые 15 минут фотографии ног, поднятых на стену. Так я буду точно знать, что вы пока отдыхаете.

Наииииивненький. Он что, думает я не училась в детстве обманывать взрослых? Убери вещи, пойдёшь гулять. Всё комом в шкаф и бегом на улицу. Поешь суп, получишь сникерс. Тут надо было действовать хитрее. Выливать суп в унитаз с осторожностью. Перед этим добавить к нему моющее средство, чтобы не пачкал сантехнику.

И вас, уважаемый найду чем успокоить. Сейчас сделаю 10 фотографий с запасом и встану. На любую просьбу буду отсылать одну из них.

– Даже не вздумайте, Ульяна. – Взгляд его стал угрожающим.

– Чего не вздумайте?

– Обманывать меня.

– И вы не вздумайте меня ограничивать. Я сама решу, что и когда буду делать.

Попыталась вырваться из капкана его рук. Но Барсов держал мёртвой хваткой. Приняла попытку отползти от него подальше. Но это категорически не выходило.

Тогда я решилась на отчаянный шаг. Собрав все свои силы, оттолкнула Барсова обеими ногами. Он охнул и ослабил хватку. Но ещё до того, как мне удалось вырваться, Барсов сделал то, что я потом прокручивала в голове миллион раз.

Он резко наклонился ко мне и впился поцелуем в губы. Сначала я растерялась. Никогда не была в такой ситуации. Школьные годы с приставанием одноклассников закончились. Остальных я умела удерживать ещё на подлёте к непристойным действиям.

Меня поразили незнакомые ощущения. Его пухлые, чётко очерченные губы оказались мягкими. По вкусу они напоминали что-то терпкое и острое одновременно. Запах мужского парфюма кружил голову. Он пропитывал моё тело насквозь. Пробуждал в нём незнакомые ощущения. Рождал новые желания.

Его взгляд потемнел. Он словно звал к себе, тянул сильнейшим магнитом. Зрачки стали огромными. Они искушали обо всём забыть и нырнуть в их манящую, загадочную глубину.

Это было так соблазнительно, чувственно и смертельно опасно! Это могло разрушить в один миг с таким трудом выстроенную жизнь! Не оставить от моего уютного замка камня на камне. Стоп!

Не успев проанализировать ситуацию в голове, я разорвала поцелуй. Залепила по красивому мужскому лицу звонкую пощёчину. И рванулась всеми силами с дивана.

На этот раз Барсов не препятствовал. На ногах мы оказались почти одновременно. Шумно дышали и сверлили друг друга взглядами.

– Никогда! Вы слышите меня, никогда так не делайте! Я не ваша собственность! Не смейте меня хватать! А если это, – я показала пальцем в сторону дивана, – повторится ещё раз, я разорву наш договор. Мо-мен-таль-но!

– Да, я...

– Это прописано в моём контракте! Вы потеряете предсказателя и заплатите неустойку. Я этого терпеть не буду!

Барсов нахмурился. Замотал головой, словно хотел стряхнуть с себя наваждение. Открыл рот для возражений, но я не дала ему высказаться.

– Владислав, запомните! Это очень важно. Это единственная причина, по которой я уйду из вашей компании в одну минуту. Для меня это абсолютно неприемлемо! Никаких домогательств. Никаких поцелуев. Никаких ухаживаний. Хотя что-то из этого – и я больше у вас не работаю ни при каких условиях! Ни одной минуты! Понятно?

– Понятно. – Барсов ответил таким тоном, словно говорил с умалишённой.

– Тогда оставьте меня в покое прямо сейчас и давайте уже оба начнём работать.

Он кивнул головой, зыркнув недобро, но совершенно без возражений покинул кабинет. Даже дверь прикрыл тихо и аккуратно. А я с размаха плюхнулась на диван и постаралась успокоиться.

Командировка

Начало работы у Барсова было настоящим испытанием. Два дня дичайшей нервотрёпки. Выкладывалась просто до потери сознания. Думала, что не выдержу этого бесконечного стресса.

Но так же внезапно как начались, неожиданности прекратились. Теперь всё происходило строго по расписанию. В соответствии с достигнутыми ранее договорённостями. По протоколу, так сказать.

Каждое утро Луиза приносила мне 9 запечатанных конвертов с приклеенными вопросами. Верхние были срочными. Их она забирала с ответами уже в обед. Оставшиеся – вечером.

Барсова я не видела. Он не писал, не звонил, не приходил в мой кабинет. Даже на планёрки не приглашал. Одним словом, дал спокойно работать. Но по тому, как Луиза спрашивала меня о самочувствии, я поняла, что это не её инициатива. Ежедневный опрос проводился по распоряжению Барсова.

Собственник всё держал под контролем. И поэтому вечером секретарша придирчиво осматривала мой внешний вид. Справлялась, не нужно ли что-нибудь принести. Чай? Кофе? Может требуются какие-то тонизирующие напитки? Конфеты? Еда?

У меня не было никаких пожеланий. Я вполне могу о себе позаботиться. Тем более, что этот режим работы выверен годами. Отточен до мелочей. Сладкий чай с лимоном весь день чтобы согреться. В обед салат, из кафе возле дома, привезённый с собой. Иногда кофе со сливками и крекерами. Больше ничего не нужно. Поэтому я ото всего отказывалась. Справлялась сама.

Но каждое утро Луиза уточняла мои пожелания. И каждый вечер искала признаки недомогания, а их не было. Простые вопросы, простые ответы, простая понятная жизнь за очень приличную зарплату. «Кабанячью», как сказал бы Москвитин.

Четвёртая неделя началась необычно. Барсов назначил мне встречу у себя в кабинете. Луиза дважды напоминала смс-ками и облегчённо вздохнула, когда я пришла в приёмную за 10 минут до назначенного времени.

Я основательно подготовилась. Захватила блокнот, не зря же он столько времени просто так пролежал в моём деловом портфеле. Арсенал дополнила невероятно дорогая брендовая ручка с эмалевым покрытием. Для соблюдения делового этикета я даже переоделась из вечного спортивного костюма в официальный офисный. Луиза и это оценила.

Мы мило разговаривали с секретаршей, когда из кабинета Барсова вышел мужчина средних лет. Среднего роста, средней наружности, но взгляд! Клянусь, я поняла, что чувствует собачонка, услышав команду «к ноге!». Просто готова была сесть рядом и заглядывать в глаза.

Про таких бабушка говорила «дикий тип». Она была биологом по образованию. В её устах этот термин означал не безумную особь, а основную породу, так сказать, её костяк. Самый сильный генотип.

Они не обладают ясновидением, но чутьё у них великолепное. Интуиция развита, как у зверей. И авторитетность непререкаемая. Его слово – закон. Кто так не считает – вон из стаи.

С этими мыслями я вошла в кабинет Барсова и налетела на точно такой же взгляд. Он увидел моё удивление и стал мягче. Тоже «дикий тип», к тому же альфа. Но скрывается мастерски, не заподозришь.

– Добрый день. Присаживайтесь, Ульяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.